

— Дитё, дитё! С Ольгой, младшей дочкой Уралова! Трудный ты. Так бы сегодня, но дог с тобой, отдохай с дороги.

— Объясните толком.

— Ох, труден ты, труден. У нас четыре мальчика чистого ангельского капитала от четырёх дочерей Уралова. А есть ещё пятая дочь, младшая. Понятно объясняю? Завтра ты с ней займешься святым делом. Если в отношении тебя информация верна, что твоя порода ангельская, то в итоге родится чистый капитал. Ангельская кровь возьмёт своё. Прости...

М. Жаров

КАПИТАЛ

Михаил Жаров

Капитал (сборник)

«Альтерлит»

2012

Жаров М.

Капитал (сборник) / М. Жаров — «Альтерлит», 2012

«Капитал» Михаила Жарова измеряется не в денежном эквиваленте. Капитал – дети с чистой ангельской кровью. Их надо уберечь в городе, населённом потомками дьявола. Иван Столбов, внук ангела и чёрта, узнаёт, что Великая Война 1941 – 1945 гг. ещё не закончена – ею охвачен Новый Ерусалимск, где Ивану суждено любить и убивать, умереть и воскреснуть. Открой дверь-обложку и увидишь самый безумный город России.

© Жаров М., 2012

© Альтерлит, 2012

Содержание

Капитал	6
Часть первая. Новый Ерусалимск	6
1. Автобус	6
2. Город	8
3. Завод	12
4. Бывший	15
5. История	18
6. Наследственность	22
7. Контратака	24
8. Знакомство	29
9. Вентиляторы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Жаров

Капитал (сборник)

В книге полностью сохранен авторский стиль.

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах». Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично, без разрешения правообладателей будет преследоваться в судебном порядке.

Капитал

Часть первая. Новый Ерусалимск

1. Автобус

Мы, пятнадцать молодых лбов, видели друг друга впервые, и поэтому ни один из нас не выказывал тревоги перед тряской, грохотом и опасностью того, что ледяное утро может прекратиться вдруг и навсегда. Каждый изображал зевотное спокойствие, показывал, что он пожил, повидал, не ему бояться. Разве что рыжий парень, обутый не по сезону в кеды, нет-нет да восклицал:

– Ух ты! Сейчас чуть-чуть не столкнулись с другим автобусом.

Водила-то наш бешеный... Всю дорогу по встречке несётся.

Парни искоса поглядывали на рыжего, видимо, желая поддакнуть, но не решались. Боялись сойти в первый день за паникёров.

Автобус вёз нас в автошколу Нового Ерусалимска, и мы про себя решили, что наша рискованная дорога – это начало водительского братства. Мы должны негласно одобрять темперамент человека, который сидел за рулём. Молодец мужик, понимаем, не дети.

И ещё имелась причина, по которой все вели себя тихо. Серьёзная. Такая, что не смотрели друг другу в глаза, не то чтобы шуметь. Мы не имели статуса, числились безработными и учиться на права ехали по направлению Центра занятости. Гордость свою и гонор мы стыдливо сдерживали, как позывы в туалет.

Насквозь худой автобус не грелся от нашего дыхания, а печь не работала. Я и летом мёрзну грею руки над конфорками, сплю в жару под пуховым одеялом и пью горячий чай. Сразу после августа для меня наступает зима. Так что, если встретите ранней осенью чудо в шарфе и перчатках, знайте – это не аристократ и не гомосексуалист, это я, мне холодно. И, вообще, для изнеженного денди у меня слишком русское лицо-ватрушка, большие кулаки и плохие манеры. Например, я ссу в цветочные горшки.

До Нового Ерусалимска почти час езды и, разумеется, тряска вкупе с холодом сделали своё дело. Мой антирусский организм, чтобы не оледенеть, решил избавиться от излишков жидкости.

Я редкий водохлёб, а началось с того, что в четыре года от роду расхотел есть, и детский врач для поднятия моего аппетита прописал мне пиво.

Оно сработало на ура. С полстакана меня пробивали приступы свиного жора, однако появилась угроза того, что «первый раз в первый класс» придёт убеждённый синяк, и родители стали наливать мне только по выходным и праздникам. Так был бы пьян, сыт и доволен, но вместо этого к десяти годам я проникся отвращением к еде и на трезвую голову заключил, что есть вредно.

Другое дело питьё. Напиткам я отдал предпочтение, благо, родительский надзор за моим рационом в школьную пору ослаб, и от пищи я почти отказался. Лишь раз в день или реже сгрызал какой-нибудь овощ, не понимая, как раньше не давился голубцами, пельменями, котлетами... Однажды, лет в восемь, я даже упал в обморок, когда, кривясь от омерзения, жевал пельмень.

Вода, чай, компоты, молоко, они питали меня. Я забыл, что такое тошнота, хотя раньше она была для меня обычным состоянием, и я думал, что всех людей тошнит после еды. В

двенадцать лет меню моих напитков пополнил кофе. На примере его я узнал, что жидкостью можно менять мир вокруг, ускорять, делать громче, ярче. Еда на такое была неспособна. От неё пустела голова, хотелось спать. По сей день я благоговею перед кофе, пью его, как дышу. Мало ли мы однажды встретимся, не соглашайтесь, когда я предложу посидеть со мной, взбодриться. Бывает, что люди не успевают убраться голову и проливают на стол или в недопитую чашку кровь из носа.

В четырнадцать лет мне окончательно удалось убедиться, что мой выбор в пользу питья верен и умён. За компанию с большими пацанами я отведал самогон. Он был в пивной бутылке, а закусывали снегом. Пацаны хотели посмеяться, подливали мне, пропуская сами, ждали от меня клоунаду. Я принимал рюмку за рюмкой, пил, не спеша, смакуя, хотя от одного запаха слезились глаза и текло из носа. Крепкий, суровый напиток приживался во мне, рождался со мной, как в двигателе бензин, как масло в огне. Пацаны долили бутылку, я торжественно допил и признался, что хочу женщину.

Легко и просто мне пришлось в армии. Поначалу проснулся голод, о котором я раньше не подозревал. Голод злой, унижительный. Хотелось выть и не жить. В борьбе с ним помогло самоуверие. Стоило мне вспомнить мамины блюда – картошку в горшочках, плов и окрошку, – как голод прекращал грызть позвоночник, прятался в гулких закоулках кишок и там поскуливал, умолая: не вспоминай!

В столовой я успевал съесть лишь половину скудных блюд. Шумно дышал, обжигался. Раскалённый суп с расплавленным в нём животным жиром шёл через нос, я чихал и сам себе был мерзок. Оказалось, что совсем не умею есть, особенно горячее.

Да, армейский режим всё же заставил питаться, иначе было нельзя. Или смерть. Организм стал получать пищу регулярно и переустроился. Видимо, раньше он думал, что я лесной зверь, и пища для меня – редкая удача. Теперь же он взялся навёрстывать, увеличивать мою мускулатуру, надеясь, что, будучи сильнее, я стану убивать и есть больше. Обнаружил это чудо я в бытовке, когда пропаривал бельевых вшей. Мимолётно посмотрел в зеркало, чтобы убедиться всели рёбра на месте, а с той стороны глупо усмехнулся другой человек. Раньше я его, здоровяка, не встречал.

За месяц перед домом я взялся за штангу и заплатил своей кожей. Мышцы росли едва не на глазах, не по дням, а по часам, так быстро, что с шеи до пят кожа расплзлась на тысячи растяжек, какие бывают на животах у беременных. Задайся я в то время целью сотворить из себя чемпиона мира по бодибилдингу, думаю, мне хватило бы полгода. Правда, кожа порвалась бы в клочья.

Специально я не проверял, сколько смогу без еды, чтобы совсем не вспоминать о ней. Возможно, неделю. Возможно, две. В милиции бегал по три дня сытый лишь от воды и кофе. Удобно.

В любом месте, в котором требовалось пробыть хотя бы час, я в первую очередь выяснял, есть ли там туалет и где попить. Наличие и того и другого означало, что здесь возможно плодотворно работать, учиться, строить счастье, словом – жить. Особо меня радовали конторы, в которых имелся кулер. На каждый такой аппарат я смотрел с восторгом древнего иудея, наблюдавшего за тем, как Моисей высекает из скалы воду. За один присест я пил, пока не начинала кружиться голова.

Другое дело конторы и офисы, где туалеты исключительно служебные и те под замком. Ау, чиновники и менеджеры! Если у вас завяли в горшках цветы, знайте, что приходил я, и не нашёл себе места.

Или санитарные зоны в поездах... Или междугородние автобусы... Мне пришлось много поездить, и к своим тридцати я невлюбил русскую природу всем своим сердцем и мочевым пузырём.

То же самое сейчас. Сидя в новоерусалимском автобусе, я зря пытался увидеть за окном что-нибудь удивительное, яркое, что отвлекло бы меня от несносной рези под ремнём штанов. Мимо тянулись солдатскими строями сосны, количество которых измерялось часами и днями езды, годами и столетиями, человеческими поколениями и вечностью. Ох, тоска!

– Тупизм! – распалялся рыжий. – Почему учёба должна быть в Ерусалимске, когда у нас есть своё РОСТО? Почему биржа посылает нас за пятьдесят километров от родного города? И ведь только вчера объявили об этом.

Рыжий наливался кровью, и его цитрусовое, веснушчатое лицо золотилось и по-летнему отливало солнцем.

– Я не хочу каждый день ездить в Ерусалимск! – ругался он сам с собой. – Да ещё на таком автобусе и с таким водителем. У нас у всех через неделю будет воспаление лёгких или разобьёмся.

Его трезвон я слушал через силу. Излишек невылитых кислот и солей просачивались в мою кровь, отчего в голове дурело и слезились глаза. В подобные минуты я обычно вспоминал прочитанное о писателе Булгакове. Он умирал от цирроза почек, хотел сходить в туалет, но не получалось. Моча гуляла по его крови, отравляла организм и расщепляла мозг. Вот он-то мучился, успокаивал я себя.

Когда же приедем? Ну! Тряска взбалтывала то, что и без неё грозило выплеснуться наружу. Всё-таки счастливое животное – медведь. Во время спячки его моча перегоняется в аминокислоты, в чистейший питательный материал. Мне бы так, я бы...

Не, не доеду! Надо просить остановиться.

– Эй, ты, чёрт ерусалимский! – опередил меня рыжий. – Тише там! Я сейчас чуть башкой окно не вышиб!

Водитель, не снижая скорости, выставил в салон ястребиный профиль.

– Слушаем все, – произнёс он спокойно, как умеют люди сильные и злые. – Вы, щенки, будете сидеть у меня тихо, как неживые, а кто станет повизгивать, или даже просить посикать, тот пойдёт на прогулку в лес лично со мной. Ясно?

Ничего себе! Щенки?

Ия?

В автобусе стало, действительно, тихо, но не от страха. Мы удивились.

– Автобус сжечь! – запыхтел себе под нос рыжий. – Водилу сжечь! Ерусалимск выжечь напалмом, огородить и отстреливать выживших.

Я прошёл к задней двери, крепко взялся одной рукой за поручень, а другой рукой расстегнул ширинку.

Рыжий захохотал.

2. Город

От людей, кто хоть раз посещал Новый Ерусалимск, всегда слышишь слова «напалм», «выжечь», «огородить». Либо не менее категоричные вариации, вроде «сбросить ядерную бомбу». Мне, когда-то проработавшему в Новом Ерусалимске три месяца, ветхозаветная жестокость таких слов не кажется странной. Грустно, конечно, это, не по-русски.

Сам я дал себе зарок больше никогда не приезжать в Новый Ерусалимск. Никогда! До этого воевал с ним в одиночку, без ядерного оружия и пресловутого напалма. Расскажу.

При всей схожести наших городов Новый Ерусалимск бесподобен. Вроде бы те же люди, русские и не очень, то же небо над головой, дома из обычного кирпича, а побываешь, и больше не захочется. Будешь нести околесицу про то, чтобы сжечь и огородить.

Хотя бы вот. С лета 2004 года в Новом Ерусалимске не отмечают День города. Запрет наложило местное правительство. В 2004 году после праздничного салюта жители Ерусалимска разделились и учинили массовую оргию. В скверах, во дворах, на городской площади.

Началось с отдельных очагов, когда люди придумали грешить в пределах своих компаний, которыми гуляли в тот вечер. От одних к другим, от кучки к кучке – азарт распространялся быстро, и спустя полчаса единый патриотический порыв за любимый город смёл предрассудки и условности. Компании смешались, свальный грех объединил тысячи. Никто не спрашивал ерунду вроде: «Мы знакомы?» – без слов сближались по двое, по трое, а в городском парке, на траве, происходило движение и вой сотен тел, и было тесно.

Несогласных валили на землю, – женщин ли, мужчин ли, – насиловали и передавали другим. Изнасилованные заражались психозом и не успокаивались, пока тоже не находили себе жертв. Они до утра бродили по уставшему городу, забыв стыд и человеческую речь. Женщины, привлекая к себе внимание, царапались и кусались, а жертвами мужчин стали дворники, которые ночь отсыпались дома, чтобы выйти на утреннюю работу.

Милиция металась недолго. Бессильные призвать граждан к порядку, сотрудники по бабьи всплёскивали руками, и вскоре кто-то из них разделся сам, кто-то был раздет, а оставшаяся горстка укрылась в отделе за железными дверями и ставнями.

Редкие всплески противостояния массовому психозу подавлялись моментально. Особо ретивых кастрировали. Случаев кастрации произошло около двадцати.

Единственно благоразумными показали себя родители маленьких детей. И то. Отведя домой и заперев крох, супруги возвращались на улицы догуливать. Впрочем, имелись случаи, когда отвести детей домой не успевали, встретив на пути буйных и страстных. Пятеро молодых отцов погибли от побоев с железными прутьями внутри.

Спустя пять лет, в 2009 году, я разговаривал со многими ерусалимцами о памятном для них Дне города и те рассказывали, закатывая глаза, и заканчивали словами: «Ещё бы разок так погулять. Не понять тебе».

Напалмом-де выжечь...

Или смотрящий города, авторитет Зурбаган! Попробуй, скажи пятикласснику: «Не обижай кошку. Зачем привязываешь её к рельсе?» – и он пригласит тебя на разговор к Зурбагану. Так же отвечают ученики учителям, а учителя родителям учеников, когда возникают спорные оценки за четверть.

Конечно, Зурбаган не был всемогущ и не мог ежедневно решать тьму вопросов образования, культуры, экономики. У него имелся обширный штат помощников, который постоянно рос, как в своё время партия большевиков. А то бывало достаточно произнести: «Я хожу под Зурбаганом», – чтобы сиюминутно стать глашатаем правды и справедливости. Придерживаться при этом каких-то принципов, правил или понятий совсем не считалось нужным, потому что их не существовало. Успех в споре зависел от того, кто более убедительно представит себя духовным сыном Зурбагана. Аргументы и доводы в свою пользу каждый выбирал для себя сам, будь то зычный голос, словарный запас, физическая сила или оружие. Поэтому вся авторитет вполне имел право перефразировать Людовига XIV и сказать: «Ерусалимск – это я».

Возможно, последний из романтиков девяностых, Зурбаган обрёл мифическую славу, и уже трудно было сказать, не выдуман ли он безумным народом Ерусалимска. Почти в любом дворе города можно было встретить его сводного брата. Немного реже – единокровного. Получалось, что мать будущего авторитета рожала сыновей с проворством кошки, по четыре-пять два раза в год. Со времени первой менструации и до почтенных седин.

Тем не менее, да. Зурбаган существовал и имел влияние на Владимирскую, Костромскую, Ивановскую и Ярославскую области. Жил он в кремле, представлявшем из себя комплекс величественных деревянных теремов, увенчанных традиционными русскими маковками. Окружали кремль стены, воздвигнутые из исполинских острых кольев. Это был второй по счёту

кремль, а первый, как полагается нашим кремлям, сгорел ярким пламенем, о чём расскажу немного позднее.

Стоит ли удивляться, что большая часть мужчин Ерусалимска люди сиживавые, а остальные, так им выпало, являлись сотрудниками тех или иных органов правопорядка, и несли службу в духе городских нравов. Помню, сколько ни приходилось мне встречаться по рабочим вопросам с начальником ерусалимского наркоконтроля, каждый раз я заставлял его, начальника, под кайфом. Сказать ему спасибо, вёл он себя адекватно. Красный, с выпученными, остекленевшими глазами, начальник умел внимательно слушать, но обычно палился на том, что ежеминутно забывал, кто я и зачем пришёл.

Смешила и грешила прокуратура. Помню своё знакомство с ней. Явился я к самому прокурору по вопросу спорного материала, предварительно согласовав время встречи по телефону. Что у меня не отнимешь, это пунктуальность. Потому мои часы идут на десять минут вперёд, чтобы всегда и везде быть чуть раньше, чем надо. Плюс – успеваешь покурить.

Точный и амбициозный, я выбил о дверь короткую дробь и немедленно вошёл в кабинет прокурора, состроив сложную гримасу: где мог, сморщился, где не мог, там попытался – чтобы в ходе беседы моментально менять выражение лица от суровости к умилению, от благоразумия к «морде кирпичом». Увидев же человека, про кого местные говорили: «Хороший мужик, строгий, но можно договориться», – я опешил. Мои мимические мышцы обессилели, челюсть отвисла.

Посреди кабинета стоял рослый, представительный господин. Обширное лицо окаймляла элегантная бородка и свято сияла идеальная лысина. Одет он был в короткое, выше колен, платье, расписанное алыми тюльпанами. В руках он держал кожаную плётку.

Несколько томительных секунд мы предвзято рассматривали друг друга, а в окна светило наивное солнце, хотя от стыда за род людской ему было самое время навсегда погаснуть.

– Вы кто? – первым заговорил господин, деликатно постукав плёткой по крупной ладони.

– Начальник линейного пункта милиции на станции Новый Ерусалимск. Прикомандированный от Ярославского управления. Столбов моя фамилия. Я договаривался с вашим секретарём на это время, – выдал я, как на духу, правду о себе; скрываться было неуместно, домашняя обстановка располагала.

– Столбов... – господин нахмурился, будто не он, а я предстал в платье. – Вы, значит, не из ерусалимского отдела милиции? Хм... Значит, секретарь перепутала, ввела меня в заблуждение. Я-то думал, что придёт наш участковый, тоже Столбов. За ним постоянно какие-нибудь провинности.

– Нет-нет, я не здешний, – поспешил подчеркнуть я свою индивидуальность. – Мой отдел далеко, а в Ерусалимске только ЛПМ.

– Да понятно, понятно, – устало махнул плетью господин. – Ко мне какие вопросы? Быстро!

– В моём производстве находится материал проверки по факту обнаружения неопознанного трупа со следами насильственной смерти, – бодро погнал я, чувствуя, как мои мимические мышцы вошли в тонус и озорно заиграли. – Обнаружение произошло в полуметре от границы обслуживаемой мною территории. Во избежание проволочек считаю целесообразным передать данный материал проверки по подследственности напрямую вам.

– Труп?.. Неопознанный?.. – господин неуютно поводит массивными плечами, на которых красовались бретельки, завязанные в симпатичные бантики. – Передавайте, раз хотите.

– Благодарю вас! Разрешите идти? – отчеканил я, давая понять, что обращаюсь к человеку в погонах, уважаю его и знаю своё маленькое место.

– Идите, товарищ Столбов. Успехов! – приободрился прокурор и одёрнул подол платья.

Во время, пока я оформлял в секретариате передачу материала, на столе у девушки-секретаря, кстати, очень привлекательной, зазвонил телефон.

– Прокуратура, Петрова, слушаю! – ответила она. – А, Павел Андреич! Так, ага, поняла. Известить участкового Столбова, чтобы он немедленно прибыл к вам. Сделаю!

Позднее я узнал, что секретарь Петрова была в ерусалимской прокуратуре единственным человеком, кто обладал первичными женскими половыми признаками. Остальные сотрудники имели в паспорте отметку «муж.», но в разрез с ней предпочитали наряжаться в дам.

Корпоративы прокуратура отмечала в дьявольски богатом баре «Небеса», куда традиционно в качестве избранного гостя приглашался Зурбаган. Властные мужчины ели, пили и танцевали совершенно голышом.

В милиции Ерусалимска мужское единство и гармония попирались. Грубые, разношёрстные сотрудники милиции напоминали скорее народное ополчение, нежели государственную структуру. Тот же печально известный участковый Столбов, мой однофамилец, ходил в рваных ботинках, носил грязную форму и редко мыл лицо и руки. Странно, что прокурор испытывал страсть к такой замарашке.

Иное впечатление производил коллега Столбова Гришин. На службу он являлся в парадном кителе, спортивном трико и белых кроссовках.

Участковый Боровиков, в миру Боров, считался зурбагановским человеком. Хитрый и жестокий, он держал в страхе как обычных граждан, так и сослуживцев. Его боялся сам начальник Ерусалимского отдела милиции Морозов. Мне однажды повезло оказаться свидетелем их случайной встречи.

– Товарищ... ээ, постойте! – негромко позвал Боров начальника, когда последний выходил из туалета и не успел заскочить обратно. – Всё ли у вас хорошо?

Морозов вытянул руки по швам, подался прямым телом вперёд, как это делал в своих клипах Майкл Джексон, и ласково доложил:

– Вашими молитвами, Александр Сергеевич! Работаем помаленьку.

– Это хорошо, – строго сказал Боров, – но надо лучше. Я прав?

– Так точно, Александр Сергеевич! – решительно кивнул Морозов.

– Что я ещё могу сказать... – Боров недолго помолчал и вдруг взбесился: – Кто из нас двоих руководитель отдела? Я или вы, ёптвуй-мать?! А? Вы за что зарплату получаете? За то, что по туалетам прячетесь? В отделе бардак! В городе бардак! Бандит на бандите!

С моей стороны было неэтично задерживаться возле них, я всего лишь пробежал мимо по коридору (уже не помню, зачем наведывался в отдел), но спустя полчаса снова пришлось миновать то же место. Бледный начальник бормотал: «Виноват, Александр Сергеевич... Исправлюсь...» – а Боров крыл его нещадным матом и дёргал за галстук.

Вообще, треть сотрудников предпочитали начало Зурбагана, нежели Морозова. Горожане знали их как бандитов и спорили, если ты упоминал их милицейские звания.

Встречались, конечно, и идейные сотрудники. Наверное, про них меня спрашивали жулики, которых я задерживал:

– Вы не ерусалимский? Честно?

– Да нет же! – отвечал я. – Каждому надо повторять. Я из другого города. Работаю в транспортной милиции и обслуживаю только вашу железнодорожную станцию.

– Не ерусалимский? – боялись поверить они. – Правда?

Беспокойство жуликов я понял немного погодя, увидев ролики допросов. Да, в глазах жуликов я выглядел истинным христианином.

Ерусалимцы поголовно поклонялись злу. Активно и пассивно.

Образец пассивности – стрелочница Наталья Робертовна. Вестница бед и жрица печали. На пороге моего кабинета она появлялась с единственной целью: поведать о том, что только-только обнаружила битые светофоры, разобранные железнодорожные пути или полчеловека. Глаза Натальи Робертовны сияли, она трепетно, будто замёрзла, улыбалась и всем своим одухотворённым видом сообщала: как хорошо жить, когда вот так!

Наталья Робертовна ярко запомнилась мне в тот день, когда несчастье случилось с её сыном. Десятиклассник, он ухаживал за девушкой, но на горизонте появился соперник. В другом городе худшее, что могло случиться, парни бы подрались, и дело с концом. Сына же Натальи Робертовны посадили на кол. Выжить он выжил, но всё равно история жуткая. Рассказывая, Наталья Робертовна, ерусалимская женщина и мать, расточалась в гордости за сына, что это её сын, а не чей-то. Глаза горели, щёки румянились, она молодела на глазах.

Другое. Завёлся на станции самоубийца. До того невезучий, что прыгал дважды с пятого этажа и отбил пятки. Потеряв веру в закон Ньютона, он пришёл бросаться под поезд. В первый раз неудачник отлетел от локомотива, как мячик, получив не смертельный синяк под глазом. В другой раз он схлопотал сотрясение мозга. Потом Наталья Робертовна взяла самоубийцу за руку, отвела за старое депо и уговорила повеситься. Тот послушно взял из её рук верёвку и сделал, как пожелала добрая железнодорожница.

Начальник станции Татьяна Леонидовна, женщина солидная, заядлая автомобилистка, жаловалась мне, что нынче дорого хоронить. Дорогие фейерверки. Заметив, что я долго думаю, она спросила:

– Что? У вас в городе хоронят без салютов? – и поглядела на меня, как на дикаря.

3. Завод

Единственный в городе завод был закрыт для ерусалимцев. Его проходная находилась на противоположной стороне путей, и я не видел, чтобы через неё ходили бы люди. При этом раз в несколько дней невеста откуда прилетал и садился за высоким забором вертолёт. Труба заводской котельной жизнелюбиво дымила, и приблизительно трижды в месяц в ворота въезжали огромные фуры.

– А кто на заводе работает? – как-то спросил я Наталью Робертовну. – Приезжие?

– Да хер тебе! – задорно ответила она.

У неё надулась шея, покраснели глаза и ржаво заскрипели зубы. Мне стало интересно.

Неделю спустя я наврал ей:

– Ищу свидетеля поездной кражи, а застать его дома не получается. Со слов родных, он работает на заводе токарем. Надо бы мне его подловить у проходной. Не знаете, в какое время там заканчивается смена?

Наталья Робертовна подняла с земли тяжёлый «башмак», который подкладывают под колёса стоячих вагонов, чуть присела и отвела руку, готовясь сокрушить меня. Я попятился и пробормотал:

– На что вы обижаетесь?

Она брезгливо ухмыльнулась, швырнула «башмак» в бурьян и пошла прочь.

Ради опыта я задал тот же вопрос Татьяне Леонидовне. Она вытянула шею, словно была далеко, и ответила:

– Не знаю, не знаю. Какую-то чепуху вы спрашиваете.

В тот же день Татьяна Леонидовна перепутала газ с тормозом и едва не сбила меня на своей «Ниве».

Прежде чем рассказать о заводе другие важные вещи, поясню, что представлял из себя я, как начальник ЛПМ. Начать и закончить можно тем, что подчинённых у меня не было ни души. По штату в помощь полагались четыре сержанта, но в связи с дефицитом людей в милиции я самовластно начальствовал сам над собой. К тому же ранее зарекомендовал себя адски трудолюбивым, и в управлении оценили это по-своему: справится, нечего его баловать.

В Ерусалимск я приезжал на утреннем поезде, а уезжал на вечернем, но не всегда в тот же день. Заваленный материалами, оставался ночевать в кабинете. Ужинал кефиром, выпивал водки и – на топчан.

Кабинет мой располагался внутри вокзала по соседству с билетными кассами. Единственное его окно выходило на перрон. Хороший кабинет, просторный. В нём даже имелся водопровод.

По ночам я стал замечать на той стороне путей народные гуляния. Ерусалимцы бродили вдоль бетонных стен заводского забора, задирали головы и мерзко матерились. Сбегать к ним и расспросить, отчего им не спится и чем их манит завод, я не спешил. На память приходила Наталья Робертовна и грозный «башмак» в её руке.

Любопытство восторжествовало, когда я вышел на перрон в полнолуние и увидел, что около завода собрались сотни, включая матерей с детскими колясками и полуживых стариков с клюками.

В чём был, в шортах и мятой футболке, я слетал в круглосуточный ларёк за пивом и, рассчитывая казаться обычным бездельником, пошагал к заводу.

Вблизи лунатики произвели на меня тягостное впечатление. Я ожидал, что увижу глупые лица, пустые глаза и забавные, обезьяньи выходки, но встретил перекошенные злобой физиономии и уверенную поступь. Мало того. Ночные гуляки ходили не с пустыми руками. Большинство из них держали кухонные ножи, а некоторые – молотки и мясные топоры. Один дядёк волочил по асфальту цепь, на конце которой гремел огромный навесной замок.

Они бормотали себе под нос тошную ругань, но друг с другом не ссорились. Ощущение складывалось такое, что всё необходимое ими уже было переговорено, и теперь каждый по отдельности пребывал в нудном ожидании чего-то важного для них всех.

Опустив голову, я посеменял обратно к вокзалу и в спешке боднул крепкого парня, державшего серьёзный охотничий нож. Парень взял у меня бутылку, отхлебнул и уставился на мои трясущиеся руки. Чёрт! Я скорее сжал кулаки, оскалился и выпалил трескучую очередь мата, каким грешил разве что в армии. Парень поглядел на меня с братским сочувствием и вернул бутылку.

Ходу!

Живой и невредимый, я уже резво перескакивал через рельсы, когда встретил юнца лет тринадцати, который сидел на корточках между путями и ковырял в гравии длинной отвёрткой.

– Одинокая душа, что грустишь? – спросил я. – Что плохого сделал вам завод, расскажи.

Юнец вскочил и со всей прыти побежал к остальным.

Дурак я, дурак! Даже если сейчас убегу от них, то они легко меня вычислят. Начальник ЛПМ – наверное, единственный иногородний в Ерусалимске.

Спустя минуту я сидел в тёмном кабинете, а перрон был запружен ерусалимцами. Время от времени кто-нибудь подходил к моему окну вплотную и приставлял к стеклу сложенные биноклем руки, пытаясь высмотреть меня. Несколько раз они вежливо стучали по стеклу рукоятками ножей.

Сердце моё поминутно дряхлело, старилось, а кровь кисла и разносила по телу болезненную слабость. Я сидел под столом и сжимал в руках изъятый год назад зоновский нож. По его тяжёлому лезвию бежала гравировка в виде ленинского лозунга «Грабь награбленное!», с одной «н». Пистолет вчера получить я не успел, опаздывал вчера на утренний поезд.

Захотел в туалет. Обычное для меня состояние – как для остальных большую часть времени не хотеть. Добраться до раковины и в неё? Они только и ждут разглядеть мой силуэт или услышать шорох. Поводил в темноте рукой и к своей радости нашёл на полу полторашку из-под минералки. Дальше было дело техники.

Захотелось пить. Жажда – второе моё обычное состояние, и не утолить её вовремя, значит, обречь себя на тупоумие. У меня быстро, в течение часа, трескаются губы и сохнет в голове, отчего любая мыслишка лезет на ум с таким скрипучим трением, что закладывает в ушах.

Я шуршал языком по горячему рту, глотал воздух и соображал, как жить дальше. О том, чтобы доложить о лунатиках своему руководству, не могло быть и речи. Не поверят, не помогут. Уволиться? Дело не скорое. К тому же, нынешняя ментовка пропиталась гнилой, уголовной моралью, которая заменила понятие «уволиться» синонимом «кинуть». Месяц, не меньше, будут проводить проверки и осыпать выговорами. Так Егор в шукшинской «Калине красной» не мог отвязаться от воров. Похоже.

Утром ерусалимцы выбили мне стёкла и организованно нагадили под дверью.

Три дня подряд я вызывал стекольщиков, потому что погромы превратились в народную забаву.

На четвёртый день плюнул, вставил в окно фанерные листы.

У двери завёл совковую лопату.

Ночевать на станции старался как можно реже, но и по прибытию на утреннем поезде мне приходилось начинать рабочий день с лопаты.

Положение моё усугубилось в августовское полнолуние. Не замечая за фанерным окном смену дня и ночи, я спохватился, когда вечерний поезд давно ушёл. Что ж поделать – накинул на топчан простынку, выключил свет и лёг, утвердив под головой свёрнутый бушлат. Знал, что разбудят меня ровно в пять камнями по окну. Для них уже не было разницы, разобьётся или нет. Главное, традиция.

Вскочил я под утро от треска пальбы. Глянул в узкий просвет между фанеринами – перрон был пуст. Видимо, мои часовые убежали к заводу. Пальба доносилась оттуда.

Я до слёз наострил глаза и увидел эпохальную картину. Ерусалимцы штурмовали завод! Одни метали за забор бутылки с подожжённой ветошью, и после каждого броска на той стороне ярко вспыхивало и начинало дышать огнём. Другие приставляли к забору лестницы и лезли, вооружённые блестящими металлическими прутьями. Или мечами, чёрт их знает. С высоты забора на ерусалимцев летели кирпичи, а в двух местах невидимые мне автоматчики посылали короткие, прицельные очереди.

Я схватил телефон и набрал 02.

– Слышите, мужики! – убедительно сказал я в трубку. – Это вам Столбов звонит, начальник ЛПМ на станции. Тут у вас бойня творится около завода. Я один туда не сунусь. Буду вас ждать.

– Хуль ты вообще суёшься? – тоже убедительно ответил дежурный. – Сиди на жопе ровно, – и повесил трубку.

Пальба и вопли продолжались ещё около получаса, а потом ко мне пришли гости.

– Свои! Открывай! – стучали они в дверь. – Милиция!

Я натянул джинсы и туго застегнул ремень. Обулся и крепко завязал шнурки. Надел на плечи ремни «оперативки», убрал в кобуру пистолет и скрыл эту конструкцию под кожаным пиджаком. Тогда уже отворил дверь.

Вошли два сержанта патрульно-постовой службы. Без спроса, оставляя на полу следы от растоптанных куч, они прошагали в кабинет и уселись на топчан, застеленный простынёй. Я встал перед ними, решив молчать. Впервые в жизни получалось, что любое слово могло принести мне беду.

Сержанты были молодые парни, лет по двадцать пять. Один с бакенбардами, как у Тимати, другой без бакенбард, бритый наголо. С виду простые, улыбчивые. Несмотря на то что в пяти минутах ходьбы отсюда только что закончилось дикое средневековое побоище, они вели себя спокойно и позевывали.

– Чаю? – спросил я.

– С дуба рухнул? – сержант с бакенбардами скривился от внезапного, как любовь с первого взгляда, отвращения ко мне. – Водки бы предложил, хозяин, ёпты!

– Нету, – максимально кратко ответил я.

Хорош! Слова больше не скажу. Наглецы какие. Перед их глазами висит китель с капитанскими погонами...

– Наливай чаю, уболтал!

Целый час они пили чай, потом кофе и снова чай. Молчали. Я обслуживал их и в соответствии с гениальным армейским правилом – не вникал.

Затем они достали сотовые телефоны и принялись показывать друг другу видеоролики.

– Во! – сказал тот, что без бакенбард. – Смотри, жена мне минет делает.

В телефоне кто-то чавкал.

– Старается, – похвалил с бакенбардами. – Молодец она у тебя.

Я косился на них из-за стола, ожидая, когда же они рассмеются и скажут, что глупо разыграли меня. Вместо этого муж старательной жены включил следующий ролик.

– Вот оно, вот, – сказал он. – Это я у Петрухи скачал, у гаишника.

– Какого Петрухи?

– Ну, гаишник. Маленький, толстый. Ладно, наплевать. Смотри, это он свою мелкую жарит.

По кабинету разнёсся детский плач.

Я, как старик, схватился за сердце, и рука легла на кобуру.

– Гляди, Петруха шурует, – улыбался обладатель ролика.

– Скинь мне тоже, – попросил с бакенбардами. – Дома покажу.

Увлечённые, они забыли про меня, а я уже держал под столом пистолет.

– Парни, мне спать пора, – выдавил я.

Они недовольно покряхтели, но встали и пошли:

– Успехов в службе, олень, – бросили на прощание.

Я запер дверь, выключил свет и, не понимая себя, заревел. С женским надрывом, задыхаясь, и не мог остановиться до рассвета. Вроде бы, заканчивал, но будто назло себе опять вспоминал голосок из телефона и давился новым, свежим плачем.

Отныне ерусалимские менты, сменяя друг друга, повадились приходить ко мне каждую ночь. Пили чай, кидали на пол окурки, называли меня оленем и смотрели в телефонах ролики. Особенной популярностью у них пользовались записи с допросами задержанных. Я слышал, как жужжит о зубы напильник, как хрустят кости, как шипит кипятильник в анусе...

Окончательно перебить друг друга ерусалимцев удерживала общая ненависть к заводу. Женились, рожали, худо-бедно работали, словом создавали видимость обычной жизни они с целью дожидаться дня, когда падёт завод.

Я не на шутку вдохновился разузнать их родословную.

4. Бывший

Перво-наперво я обошёл ерусалимские библиотеки в расчёте набрать книг по местному краеведению. Наивный, захватил с собой крепкий пакет, чтобы унести много, но не нашёл ни одной книжки. Чудно дело! Последние пять лет в поисках поездных воров-гастролёров я только тем и занимался, что гонял по расейским городам, взяв за правило покупать в каждом из них на память краеведческую литературу. В поездках читал и приходил в восторг от того, сколько у нас колыбелей пушкинского гения и усыпальниц пушкинской родни. Почему-то Ерусалимск стыдливо молчал о себе, а значит, клал и на Пушкина.

Решил затем пойти в какую-нибудь школу и поговорить с учителем истории, но почему-то легко представил свой глаз, а в нём указку.

И озарило! Следовало встретиться с тем, кто работал начальником ЛПМ до меня. Раньше я его не встречал, но от других слышал, что таковой жив и здоров. Слышал, что на ЛПМ он

отслужил пятнадцать лет, ни разу не являлся ни на одно совещание, не раскрыл ни одного преступления и имел говорящую фамилию Хренов.

Я поспешил в отдел кадров узнать его адрес и, как всегда бывает, когда спешишь, попал к обеденному времени. Известно, что работники кадров, штаба и тыла обедают во славу Родины, не щадя живота своего. Пришлось сидеть, ждать в пропахшем щами коридоре.

Перед моими глазами висел цветной плакат, на котором перечислялись именинники текущего месяца. Ишь ты, что я увидел: скоро день рождения нашего руководителя. Новый типок, полгода, как прислали из Питера и с первых же дней негодяй, каких много. Вокруг его имени теснились цветочки и порхали пёстрые бабочки. Кадров работа.

Рядом висела речь министра МВД. Без бабочек.

Я зевнул и перевёл глаза на стенд, озаглавленный: «Сотрудники нашего отдела, погибшие при исполнении служебного долга. Вечная память!» Раньше я проходил мимо него, вероятно, стеснясь читать, а тут уставился, как Валтасар на огненные письмена.

Из пятидесяти двух фамилий девятнадцать имели строчку «начальник ЛПМ на ст. Н.Е-русалимск». Даты смерти начинались с 1953 года и заканчивались 1993 годом. Выходило, что Хренов – самый живучий из всех предшественников. Он пережил в Ерусалимске девяностые годы, хотя рядом с фамилиями сотрудников, погибших на других станциях, стояли даты: 1994, 1995, 1996 и так до двухтысячных. Обязательно его найти!

Хренов жил по редкому и трудному адресу: Ярославская область, 386-й километр. Ни города, ни улицы, ни дома. Я посмотрел по карте – да, есть такой километр на железнодорожной линии, и шагать к нему надо от Ерусалимска.

Обулся в берцы, натёрся кремом от комаров и тронулся в путь. С собой взял литровую бутылку водки и пять полторашек минералки.

Одинаковый лес и шпалы под ногами спустя час пути усыпили меня. Я брёл счастливый, забыв, куда и зачем иду.

Указатель «386» отрезвил подобно будильнику. Вспомнилась работа, люди с ножами и необходимость быть здесь. Однако вокруг теснились всё те же сосны и кусты орешника. Если бы... Если бы не провода, которые тянулись от железнодорожной ЛЭП в сторону просеки. Ага! Вижу и тропинку.

Дом прятался за деревьями и представлял собой низкий деревянный барак, а точнее, его руины. Вероятно, построенный в позапрошлом веке для первых железнодорожников, с тех пор он терпел медленное крушение. Там-то лишился крыши, там-то стены, а в одном месте под открытым небом ржавели две железные кровати, и непонятно какими усилиями держался на трёх ножках чёрный гнилой стол.

Подступал к барaku я тихо, стеснительно, будто попал на погост. Не верилось, что среди царящего окоченения и тлена может встретиться живой человек. Обойдя же руины кругом, я обнаружил место, в котором стены не имели прорех, окна стояли пластиковые, а довершала это абсурдное благополучие металлическая дверь.

Я постучал и, не дожидаясь шагов за дверью, стал громко рассказывать о себе. Кто знает, как изменилась психика Хренова за пятнадцать лет службы на ЛПМ? Может быть, сейчас он сидит в кустах и целится во всякую живую тварь из двустволки.

Открыл сухой лысый коротышка. Серое лицо в чёрствых морщинах, и никакой мимики, как у тех, кто попал в гроб. Живые у него были только глаза, настороженные, круглые, точь-в-точь собачьи.

– Быстро сюда! – шепнул он и втащил меня за руку в прихожую. – Орёт тут, идиот. Ты бы на берёзу залез.

Внутри пахло прелой человеческой старостью. По голому линолеуму и дощатым стенам звенело эхо.

Прошли на кухню. Я выгрузил на стол водку, минералку и спохватился о закуске:

– Блин! Не подумал, сам-то я не закусываю.

Хозяин со своей стороны поставил стакан. Один стакан, второго не нашлось.

– Вы – Александр Николаевич Хренов, правильно? – спросил я, наливая водку. – Бывший элпээмовец?

– Было дело, – угрюмо ответил хозяин. – А тебя как угораздило попасть на ЛПМ? После меня должность начальника собирались упразднить. Почему не упразднили?

Ему хотелось было выпить первому, но он держал стакан и ждал, пока я не отвечу.

– Бог знает, – пожал я плечами. – Может быть, упразднить хотело старое руководство. Сейчас отделом управляет новый человек...

– А, ясно! – скривился Хренов от выпитой водки. – Мудаки! Тебя как звать-то?

– Иван, – ответил я и налил себе.

– Хуян! – сверкнул собачьими глазами Хренов. – Хуйпампендريان! Ты зачем согласился? А?! Много пожил?

– Во-первых, никто меня не спрашивал, – тугим, напряжённым голосом ответил я. – Во-вторых, откуда было знать?..

– А теперь знаешь? Хав-хав-хав! – Хренов засмеялся, как залаял. – Ладно, не злись. Но ты попал туда, куда врагу не пожелаешь.

– Понял уже, – сказал я и без желания налил снова.

– Надеюсь, заводом не интересовался?

– В том-то и дело, – протянул ему стакан. – Даже ходил ночью.

– Муд-дак! – Хренов грохнул по столу кулаком. – Осссёл!

– Хвать орать, – на всякий случай я привстал со стула. – Откуда мне было знать? Я и сейчас ни в зуб ногой. Поэтому и пришёл.

Хренов сел, выпил, успокоился.

– Чёрт его знает. Может быть, простят. Посмотрят, что больше не суёшься, и простят. Им ведь тоже неудобно резать иногородних. Для них начальник ЛПМ, как бельмо на глазу. Чёрт знает... Или пропади! Покупай больничный, ложись в госпиталь, и в это время увольняйся. Хотя...

– А вы как проработали там пятнадцать лет?

– Как? Тише мыши. Пил вино, смотрел телевизор. Никогда носом не рыл.

– И не увольняли?

– Ваня ты, Ваня! Послушай, если пришёл, – он протянул через стол руку и похлопал меня по плечу. – Издавна было заведено, что начальника ЛПМ никто не напрягает, показатели с него не требуют, лишь бы кто-нибудь занимал должность. Поэтому и ставили таких, как я, чтобы только числились. Ты, чую, тоже бездарь?

– Почему? – возмутился я. – Пятьдесят уголовных дел в год. Лучший опер по итогам две тысячи восьмого года. Девяносто шесть процентов раскрываемости.

– Да ладно! – махнул рукой Хренов. – Засунь свои проценты... Вижу, тебя, коммуниста, послали наводить в Ерусалимске порядок.

– Почему коммуниста?

– Сиди! – снова махнул он рукой. – Ты видел стенд с погибшими? Видел, как там мало из Ерусалимска?

– Мало?!

– Ну, конечно. Поначалу, в пятидесятых, в Ерусалимске было целое отделение транспортной милиции. Местные вырезали его, и после этого руководство оставило одну должность начальника и несколько формальных, на бумаге, сержантских должностей.

– Что же это за город? Вы что-нибудь знаете про него?

Хренов интимно наклонился ко мне и прошептал:

– О городе я слышал урывками. Может быть, и враньё всё...

5. История

В двадцати километрах от Нового Ерусалимска издревле живёт городок Иерусалимец. Достопримечательностями не богат, разве что, как говорят старожилы, в нём родился певец Валерий Леонтьев. Не ровня Пушкину, но всё равно приятный факт.

Другое, чем замечателен Иерусалимец, это то, что в его честь, немного осовременив имя, называли город, строительство которого началось посреди чистого поля в 1946 году.

Начало строительства могли оценить лишь птицы и лётчики. Со своей высоты они получили радость видеть грандиозную пятиконечную звезду. То был бетонный забор, огородивший территорию, которой хватило бы для воинской дивизии.

Затем внутри трёх звёздных лучей возникли приземистые кирпичные здания с крохотными келейными окошками – психиатрические диспансеры. Оставшиеся два луча заняли казарма, котельная, клуб, сосновая роща, а также памятники волку, мышке и Иосифу Сталину. В центре звезды выросла угрюмая громада завода.

Комплекс диспансеров был задуман для непростых больных. Сюда свозились люди, в ком Великая Война разбудила тяжелейшие психические недуги, и что важно, свозились не только советские граждане, но и пленные немцы, венгры, итальянцы, румыны и прочие европеиды, сведённые Войной с ума. Кроме лечения, для них предполагалась работа на заводе. Охрану порядка внутри звезды обеспечивала рота Внутренних войск.

По большому замыслу внутри звезды должны были жить и трудиться одно за другим поколения умалишённых, и сменяться они могли лишь новенькими извне. Однако после смерти Вождя порядки в корпусах смягчились, и половина контингента получила статус свободной рабсилы.

Поначалу ударились в бега. Соблазнённые шумом поездов, больные спешили напрямик на станцию, где их шашками наголо встречала транспортная милиция. В то время сотрудники вместо резиновых палок носили шашки, а на головах их красовались каракулевые папахи. Недавние фронтовики, рубаки-парни, красота. Беглецы люто ненавидели их, и если не получалось убить, то старались хотя бы вырвать им пальцами глаза. Так зародилась традиция вражды с «мусорами-железяками».

С горя, что не убежать, аборигены занялись созданием счастья внутри звезды, и вскоре дали бурное потомство. Пришлось дополнительно строить детский сад, школу, библиотеку и загодя ПТУ.

Далее показали себя диссиденты. В отличие от своих вольных коллег ерусалимские Галичи и Солженицины действовали как словом, так и делом. Одно время по заводу ходили самиздатовские книги стихов, страницы которых были изготовлены из кожи солдат и санитаров. Карались местные пииты жестоко, не в пример официальным – утоплением в выгребных ямах.

Однако жертвы их не стали напрасны. Заводчане получили очередные поблажки, а именно возможность тишайшим из них выходить и жить за стенами звезды. Ими-то и был основан ныне известный Новый Ерусалимск.

Тишайшие показали себя чертями из омота. Они шустро организовали ерусалимский ГОРКОМ КПСС, ГОРСОВЕТ, выбили из Москвы средства на строительство домов, школ и клубов.

Возвращаться работать на завод свободные ерусалимцы не пожелали. Они, сродни черкесам, предпочли вылазки в соседние города и на большие дороги, разбойничать и грабить. Верховный Совет СССР поднимал вопрос о вводе в Новый Ерусалимск войск, а также о поголовном переселении жителей в степной Казахстан, но вместо этого 28 августа 1964 года Пре-

зидиум Верховного Совета отменил все ограничительные акты в отношении депортированных народов. Крутые меры вышли из обихода.

В свете горбачёвской перестройки и гласности свободные ерусалимцы возопили о заводе как об уменьшенной копии «тюрьмы народов». Перед проходной начались манифестации, самосожжения, а 9 ноября 1989 года, когда по телевидению проскочили кадры сноса Берлинской стены, к заводскому забору поползли бульдозеры и повалил мятежный народ. Впереди уверенно и враскачку, как пьяный задира, катился ЗИЛ-130. Из установленного на нём громкоговорителя трескуче пел Цой, «В наших глазах». Город восстал.

Открыли с вышек огонь часовые. Ерусалимцы сгрудились за бульдозерами, попадали в холодную грязь, удивились. Минута им потребовалась для того, чтобы выругаться и вновь поверить в свои силы, но подлетевший БТР-80 ударил из двух пулемётов. Цой смолк.

Следом поднялось восстание внутри звезды. Действовали внуки первых заводчан, безумные и сильные настолько, что мышцы их и связки во время напряжения трещали, как корабельные канаты.

Страшной неожиданностью для роты охраны стало вооружение мятежников, под которое они приспособили заводское оборудование. Паровые котлы и канализационные люки послужили в качестве доспехов и щитов, выдерживавших прямые попадания из автомата Калашникова. Дрались мятежники карданными валами, связками шестерёнок, кувалдами, железными пиками.

Рота солдат полегла в течение часа.

Заводчане вышли из ворот торжественными колоннами. В руках они держали шесты с головами солдат и санитаров. Городские встретили их цветами и хлебом-солью.

И снова Москва умыла руки. Кто-то невидимый, с чьей руки полетела в пропасть советская страна, остался доволен городом – новым героем. Прибывшие в Ерусалимск несколько взводов спецназа Внутренних войск были отозваны, и никто не помешал ерусалимцам праздновать свой первый День города. На улицах стоял непроглядный смог от жаровен. Триумфаторы пили и закусывали подозрительными пашлыками здесь же, на улицах, одной семьёй.

Завод жгли и громили, громили и жгли, пока он не превратился в руины. В соседних городах даже днём было видно зарево пожаров.

В девяностые годы голод погнал ерусалимцев в Москву. Разбои в обнищавших соседних городах прокормить не могли, а зарабатывать честно у себя было никак и нигде. Правда, и в Москве, по вине буйного нрава, ерусалимцы постоянно попадали в передраги. Домой они возвращались либо без денег, либо спустя годы сидки, либо не возвращались вовсе. Тогда наиболее смышлёные решили объединяться и сообща отвечать столичному злу насилием. Самым смышлёным оказался, конечно, Зурбаган. Обладая нечеловеческим везением, только он и его орден дожили до наших дней. Остальные погибли в перестрелках с московскими бандитами, которые быстро поняли, что на ерусалимцев переговоры и дипломатия не действуют.

Со временем брать Москву силой стало себе дороже. Зурбаган вцепился в провинцию, а прочий люд продолжил ездить в столицу за трудовой копеей, нагоняя жуть на пассажиров поездов и проводниц. «Лучше вся Северокавказская железная дорога, – говорили проводницы, – чем одна новоерусалимская станция».

Рано или поздно город ждала гражданская война, всех против всех. Дурная наследственность зудила в людях, бродила и пенилась, а выплёскивать брожево оставалось друг на друга. Преступность в городе день за днём подходила к тому пределу, за которым начиналась норма. Норма же насилия – война.

Спас Ерусалимск некто Уралов. Он навлёк на себя всеобщую ненависть.

Тёплым майским днём 2000 года напротив городской администрации остановился «Хаммер» с московскими номерами. И без того нервное население, конечно же, обратило своё вни-

мание на грозную машину. Самые нервные встали вокруг неё, рассуждая: «Хули у нас понадобилось? Москвичи страх потеряли?»

Открылась задняя дверь, и вылез сказочный персонаж. Худой, сутулый, и в разные стороны борода. На ногах валенки, в руке банка пива. Он улыбнулся, поставил банку на крышу «Хаммера» и обратился к собравшимся:

– Приехал я! Завод отстраивать! Дурак, да?

Его вспомнили. Ерусалимский сирота, в начале девяностых он уехал в Москву, там разбогател до беспамятства, забыл свою родину напрочь, и на тебе – вернулся.

В город потянулись километровые вереницы строительной техники, а за ними КамАЗы, гружённые стройматериалами и автобусы, из окон которых улыбались гагаринскими улыбками таджики. Замыкали автопоезд загадочные фуры. Изнутри их нёсся несусветный лай. Не иначе, – подумали ерусалимцы, – Уралов скупил московские питомники, чтобы кормить рабочих.

Строительство началось немедленно. Рёв и грохот стройки не умолкал ни на минуту круглые сутки. К забору потянулись любопытные, полезли смотреть, но потом никто из них не мог вспомнить, что видел. Слишком быстро и сильно любопытных били по голове.

С целью проведения проверки по факту травм стройку поочерёдно посетили несколько сотрудников милиции. «Подхожу к воротам, стучусь, – рассказывали они с больничных коек. – Выскакивает ротвейлер...»

Милиция и городская администрация провели совместное совещание и постановили: Уралова выкинуть, а руины завода сравнять с землёй.

Сотрудников выдернули с выходных, отпусков и больничных. К стройке стянулись практически все силы местного ОВД. Создавалось впечатление, что в Ерусалимске ожидается матч «ЦСКА – Зенит».

По громкоговорителю выступил лично Морозов: «Уважаемые руководители строительного объекта! Обращаюсь к вам с убедительной просьбой не препятствовать законным действиям сотрудников милиции и организовать безопасный доступ сотрудников на территорию вашего объекта с целью выяснения некоторых, интересующих нас, обстоятельств!» Вслед за его обращением ворота отворились, и Морозов, не успев выключить громкоговоритель, произнёс: «Йобаноой!»

Подобного в природе, наверное, ещё не происходило – чтобы в одно время и в одном месте оказалось столько собак! Разве что в том же количестве собираются пингвины и морские котики. Из ворот вырвались полчища обозлённых на людей, специально измороженных голодом зубастых тварей. Ротвейлеры, доберманы, овчарки...

Если на ту минуту в небе парили птицы, то они, услышав снизу вопли, рёв и лай, должны были упасть с высоты замертво. Одинаково страшно рычали сильные звери, и вопили слабые люди.

Стрельба загремела, когда уже творилась свалка, трещала одежда и кожа, когда стало поздно успевать думать и целиться. Люди попадали друг другу по ногам, валились на землю и снова стреляли, очищая пространство рядом с собой от собак и от тех, с кем только что курили и смеялись.

Наиболее опасными показали себя автоматчики. Очередями выстрелов они чертили вокруг себя колдовские круги, вступив за которые падали и зверь, и человек.

Бойня ослепла и потеряла смысл после применения КС-23, карабинов специальных. Вооружённые ими сотрудники влупили по четвероногим врагам газовыми снарядами.

Грохот стрельбы распугал собак. Битва закончилась так же внезапно, как и началась. Морозов вылез из УАЗика белый, взъерошенный. Его подчинённые ползали по земле в жгучем дыму, обливаясь слезами, соплями и кровью. Городской отдел милиции пал меньше чем за полминуты.

Через пару дней на стройку прибыли новые лающие фуры. С час они кружили по городу, издевательски сигналив постам ГАИ и охотно не замечая знаки «проезд грузовым автомобилям запрещён». Уралов знал своих земляков и действовал по принципу: пугать, так до смертельного страха.

После сокрушительного поражения милиции показать, кто в городе хозяин, мог и был обязан лишь один человек. Зурбаган.

Его безотказный план предполагал три этапа. Ворота стройки таранит бензовоз – взрыв, пожар. Вокруг забора выставляются меткие стрелки – бежать напрасно. Силы стягиваются на пепелище – противник деморализован и обречён.

Блицкриг был назначен на символические 4 часа утра 22 июня. Разбойничье время, когда добрые люди спят самым глубоким сном, и время нечистой силы, когда ведьмы и черти учиняют друг над другом кровавые ласки, танцуют под популярные шлягеры и, целуясь, грызутся.

Зурбаган лично благословил рискованного водителя, обнял его и украдкой поцеловал в губы. Переживал за человека, с которым начинал в девяностых, любил его. Нет никого и ничего ценнее, чем люди, верные делу.

Другие надёжные бойцы заняли позиции для стрельбы ещё с полночи. Четыре прохладных часа они нежно грели в себе желание доказать свою преданность человеку, который умеет любить и убивать так, как дано великим.

Зурбаган хотел видеть пламя победы с высоты. Он расположился на крыше городской телефонной станции и сам держал по рации связь с водителем бензовоза.

– Ахиллес Трояну! Как оно? – спрашивал Зурбаган, блуждая любящими глазами по туманному городу. – Я тебя не вижу, сильный туман. Приём!

– Еду! – лаконично отвечал бензовоз.

– Без одной минуты четыре. Успеваешь?

– Успеваю!

Город сотрясся от взрыва ровно в четыре. Зурбаган закатил глаза и простонал. Женщины, вино, наркотики, да и мужчины, не шли в сравнение с властью над жизнями. Она – вино из яблок бессмертия.

Зурбаган всмотрелся в сторону, откуда поднималось вулканическое пламя, и тихо произнёс: «А почему это?» Горел его кремль.

Уралов показал, что умеет вербовать людей и слышать в любом конце города мышинный пук. Среди ерусалимцев появилась злая присказка: Что смотришь (слушаешь, ходишь)? Не ураловский ли ты?

В октябре того же 2000 года стройка завершилась. Из ворот выехали автобусы с рабочими, труба заводской котельной бойко задымила, вслед за чем очередная неожиданность взбаламутила город. Стали пропадать ерусалимцы. К Новому году население не досчиталось трёхсот человек. Как правило, исчезали врачи, медсёстры и учителя. Обязательно с детьми.

За ними приезжали по ночам чёрные джипы, и люди, счастливо смеясь, сами выбегали из домов. Скрытое наблюдение милиции установило, что джипы заводские.

Ситуацию прояснил хлипкий старичок. Он приковылял в милицию и обратился к постовому, сидевшему на входе:

– Щегол, найди-ка мне Борова. Минуты хватит?

Постовой усмехнулся на хамоватого старичка, но просьбу выполнил. Пусть дольше, чем через минуту, где-то через час, Боров подошёл к центральному входу. Старичок дремал на лавочке, возле его ног стоял старый пластмассовый дипломат.

– Ты, что ли, Боров? – очнулся старичок от шагов. – Дрищеват.

Боров недоумённо поводил бровями.

– Слышал я, что ты шустрый, – продолжил старичок. – И нашим, и вашим...

– Старый! – перебил его Боров. – Тебя в этот саквояж упаковать? – пнул он по дипломату.

– Собери-ка мне народ, – улыбнулся тот. – Депутатов, начальников, всю пиздобратию. И Зурбагана не забудь. А мне охрану дай, человек пять.

Пока Боров хохотал и вытирал слёзы, старичок достал из дипломата массивную папку, на жёлтой картонной обложке которой значилось: Совершенно секретно. Литерное дело № 0001 «Завод». Заведено – 1945. Окончено – ...

– Это я тогда прихватил, – сказал старичок.

Боров поперхнулся своим смехом и задышал с натугой, будто получил удар в живот.

Общее совещание состоялось в тот же час и длилось до следующего дня. Участники единогласно проголосовали: завод погубить, любой ценой.

6. Наследственность

– Вас тоже приглашали на совещание? – спросил я Хренова.

– Бог с тобой! – передёрнуло его. – Может быть, и не было никакого совещания, и ничего не было. Может быть, всё, что я рассказал – враньё и байки.

– А если правда, – пробормотал я, – то теперь мне понятно, почему ерусалимцы валят к заводу толпами в полнолуние и почему весной и осенью они выдают вдвойне больше преступлений. Наследственность, обострения. И Ленин в центре города пьяный, идёт вприсядку и нараспашку. Кстати! Сейчас вспомнил. Листал как-то телефонный справочник, и глаза разбегались от немецких фамилий. Альферы, Мюнцеры, Шликкеркампы, Шатцы... А что на заводе производится? Кто работает?

– Не знаю, – скучно вздохнул Хренов.

– А раньше что на нём производилось?

– Ума не приложу. Ни разу не встречал изделий, чтобы на них стояло «Новый Ерусалимск».

– А что было в деле, которое принёс старичок?

– Говорю же, не знаю! – Хренов снова сверкнул собачьими глазами.

– Как же мне теперь? Попробовать затихариться?

– Попробуй. Но запомни правила: не женись, детей не заводи, ни с кем про Ерусалимск не разговаривай. Родители живы?

– Мать, а что?

– Поругайся. Не понарошку, а вдрызг, чтобы прокляла и за сына не считала. Будет жива.

– И зачем такая жизнь?

– Смотри сам. Досадишь им, они не только по тебе пройдутся.

– Ну а вы как? Неужели всегда один?

Хренов повёл рукой, указывая на своё унылое жильё, в котором супружничали пустота и эхо.

– Работать учись по-новому, – продолжил он. – Вернее, на работу забей. Не будь коммунистом. Приехал, заперся в кабинете и занимаешься своими делами. Решай кроссворды, дрони, пей водку. Отдыхай!

– Вы так пятнадцать лет работали? – спросил я и налил Хренову больше полстакана, чтобы прикончить бутылку.

– Вообще не работал! – рассмеялся он. – Регистрацию происшествий не вёл, будто ничего не происходило, а когда случалось что-нибудь громкое, – например, грузовой состав под откос или пьяный пастух, помню, вёл по путям коровье стадо, и за пять секунд пять тонн свежего мяса, – тогда я от первой до последней строчки все материалы фальсифицировал. У меня ни на единой странице не было живых подписей.

Я курил и смотрел в пол, презирая Хренова. Думал, докурю и пойду.

– А ты хотел! – ему, очевидно, нравилось, что я удручён. – Ушёл бы я, пришёл бы на моё место другой, идейный. Труба! Убили бы его, как тебя.

– Меня пока не убили, – вырвалась из моего горла крепкая, как спирт, злость. – Вот ещё, казнить себя до времени. Да я сам нагоню на Ерусалимск и его выроdkов такого страха, что заревут!

Хренов карикатурно вытянул лицо. Издевался.

– Что смотрите? – несло меня. – Чего ради хоронить себя заживо? У меня в яйцах дети пишат и вся жизнь впереди. Думаете, послушаюсь и буду гнить в кабинете? Дрочить и одновременно молиться, чтобы не пришли убивать? Обломись ты, начальник Хренов! Есть у них всякие Зурбаганы, Боровы и Ураловы, появится и Столбов.

– Уже есть, – гаденько усмехнулся Хренов. – Прокурора любимчик.

– Знаю! Хватит меня пугать, – встал я из-за стола. – Ерусалимск затрещит. Обещаю!

Смесь из злости и отчаяния после моего ухода от Хренова забродила, вспенилась, стала бить пузырьками в нос, и хотелось смеяться, скаля зубы. Ерусалимцы – психи? Дети и внуки психов? Добро! Моя наследственность тоже с червоточиной. Поглядим, кто больше псих.

До сих пор в посёлке, где мы жили, люди боятся вспоминать моего отца, хотя умер он, когда я ходил в младшую группу садика. Его забили до смерти в милиции, и я, его сын, милиционер, служу и не каюсь. Отец достал всех. Рассказывают, что когда он выходил на улицу, люди прятались по домам и не смотрели в окна, чтобы, упаси бог, не пошевелить занавески. Одно время спускали собак, но собаки стали стремительно кончаться. Отец хватал их и душил. Или садился на псину сверху, если она была большой и сильной, и проворачивал ей вокруг оси голову. Думаю, он славно показал бы себя в ерусалимской битве с собаками.

Мать укладывала меня спать в старинном кованом сундуке и вставляла под крышку клинышек, чтобы шёл воздух. Она и теперь хвалит меня за то, какой я был тихий в детстве, не досаждал отцу ни гвалтом, ни плачем, играл безмолвно, будто совсем не умел говорить. В молчании переставлял солдатиков и танки, проигрывая канонаду выстрелов и взрывов про себя. Золото, а не ребёнок.

Сам я не помню отца плохим. Может, был слишком увлечён своими глухонемыми играми и пропускал отцовы выходки мимо глаз и ушей. Или же он вёл себя плохо, когда я спал в сундуке.

Страшно мне было только в сороковой день после его похорон. Вечером мать неожиданно уставилась на меня сердитыми глазами, погрозила пальцем и наказала: «Сегодня он придёт! Не лезь к двери и окнам! Запомнил?»

Ночью дверь шаталась под ударами и окна дребезжали от чьего-то неутомонного стука. Мать и я сидели посреди большой комнаты на полу и не спали до утра. Мать тискала меня, зажимала мне уши и раскачивалась, надеясь, что я усну.

Сейчас не знаю, что и думать. Вполне возможно, что стучали соседи. Хотели напугать в отместку за отца.

Дурную наследственность во мне открыли медики. Я устраивался в милицию, проходил военно-врачебную комиссию, и первой насторожилась женщина-окулист.

– Что-то у тебя с сетчаткой, милый, – ласково пропела она. – Тяжёлые травмы головы были? На-ка тебе направление в поликлинику МВД, сделаешь энцефалографию и с результатом назад. Ко мне не спеши, сразу шагай к невропатологу.

Сходил. Меня торжественно усадили в кресло, опутали мою, унаследованную от отца, головушку проводами, и я струсил. Ожидал, что подадут зубодробильный разряд, и вместо милиции пойду домой безмолвно играть в танки. К счастью, сеанс прошёл в исключительном комфорте, и даже мужчина-лаборант остался доволен.

– В милицию, значит, устраиваешься? – спросил он. – Возьми, хороший мой, – протянул мне листок с алхимическими знаками и цифрами. – Всех благ!

Прежде чем вернуться на комиссию, я показал загадочный листок соседу, неврологу по специальности.

– Что тут не так?

– Всё!

– А напишите, как должно быть у людей.

Пять минут дел.

Упорствовал я попасть в милицию, потому что с начальных классов школы снискал себе славутошного служителя добра и справедливости.

Прилежный октябрёнок на уроках, перемены я посвящал кровопролитию: бежал попить водички, а затем летал по этажам следить за порядком и спасать наш хрупкий мир. При виде сцены насилия над малышами или обморочными Пьеро, которым на роду было написано страдать, меня начинало трясти. Природный мент шептал изнутри: «Смелее, дружок!» Ни возраст, ни рост, ни правота обидчиков не могли меня остановить.

Синяки и ссадины заменяли мне погоны и звёзды. Благодаря им в школе говорили: «Тихо! Этот идёт!» Однако не могу вспомнить случая, когда я постоял бы сам за себя. Обидные выпады в мой адрес не вызывали во мне ни малейшего протеста. Хуже того, если дело доходило до драки, то я не дрался. Стоял в полный рост, не уклоняясь от ударов, и улыбался. Сердце стучало ровно, в нём не вскипала ярость к врагу, не булькала жалость к себе, хотя холодным умом я понимал, что вот сейчас смогу точно попасть гаду в нос, он растеряется, а дальше ногами в живот. Как правило, моими обидчиками овладевало недоумение, и они прекращали бить, не дожидаясь пока я упаду. У них пропадал интерес ко мне.

В армии получилась та же канитель. С первых дней службы я испытал восторг от обилия несправедливости вокруг и бросился бить-спасать.

Сложилась идеальная схема. Сначала я заступаюсь за свой молодой призыв, безумно вращаю глазами и применяю физическую силу к старшему призыву, а затем последние пытаются меня почти до смерти, но унижения и боль я принимаю спокойно, хоть бери и пиши с меня картину святого или большевика.

Любопытно, что не успел закончиться курс молодого бойца, как мои инквизиторы стали здороваться со мной за руку и за глаза прозвали «справедливый чувачелло». А спустя два месяца службы «деды» уже приглашали меня на ночные попойки и задавали Чернышевские вопросы: кто же виноват, раз такая армия, и что же делать, если не бить молодых?

Мудрено ли, что сразу после армии я рванул в милицию. Ей-богу, я желал людям добра, но ерусалимцы разбудили в моей голове импульсы, которые десять лет назад увидел энцелограф.

7. Контратака

Действовать я начал немедленно после встречи с Хреновым. В первую очередь, посвятил три дня хождению по пунктам приёма металла, где со щепетильностью Акакия Акакиевича выписал из бухгалтерских журналов данные о том, кто, когда и в каком количестве сдавал железнодорожные детали. Результат получился превосходным. В моих руках оказалась информация на всех без исключения работников станции Новый Ерусалимск. За той же Татьяной Леонидовной, начальником станции, числились десять грузовых вагонов-хапров и больше двух десятков нефтеналивных цистерн, не считая сотен тонн стыковочных накладок.

Затем я пригласил к себе хозяина самой близкой к вокзалу приёмки, Шатца Николая Николаевича. С его приходом сложилось ощущение, что интерьер моего кабинета пополнился большим и громким музыкальным инструментом.

– Какие жэдэ изделия? Что мне запрещено? Ты кто, пацан? – грянул он, как токката и фуга ре минор Баха.

Листочки с выписками из бухгалтерских журналов подрагивали, и мне приходилось прижимать их к столу рукой.

– Николай Николаевич! Лицензию на предпринимательскую деятельность вы получали в областном центре, правильно? Там же её вас и лишат, обещаю. Родной город не поможет.

– Чего мне бояться? Тебя, считай, уже нет. Пока, мил человек.

Николай Николаевич шагнул к двери.

– Стойте! Материал собран и направлен в другой город на возбуждение, – врал я. – Поздно со мной расправляться.

Николай Николаевич замер, постоял, а когда повернулся, то показал фокус. В руках он держал бутылку виски.

– Где бы ещё встретить хорошего человека! – просиял Николай Николаевич, словно от хороших новостей. – Разрешите к вам?

И спустя минуту:

– Ванюш, ты скажи мне, как другу, чем помочь тебе? Как другу! Друзья мы или нет?

– Резчики, сварщики работают у вас?

– У меня? Да у меня лучшие сварщики! И кузница есть. Хочешь крыльцо, хочешь лестницу витую, говори! А ограды какие мы делаем! А кресты! Для тебя-то!

– Железные ставни с бойницами на окна и железную дверь, чтобы выдержала таран, сможете?

– И всё? – улыбнулся Николай Николаевич. – Обижаешь, будто на пиво попросил.

– Кое-что ещё! – осёк я его, лишь бы он не улыбался.

– Говори, друг, что?

– Гильотину, – выдал я наугад.

Вслед за Шатцем я пригласил Татьяну Леонидовну. Она залпом разрыдалась, и в её дряблой гримасе отобразилось сожаление о молодости, о том, что на красивое имя Татьяна давно наслоилось, подобно чаге, отчество Леонидовна.

– У меня сын... – пуская изо рта пузыри, простонала она. – Школу в следующем году заканчивает.

– Авось закончит, – нагнетал я.

– Он у меня симпатичный, как девочка. Хотите?

– Что ты, мать моя! – привскочил я и швырнул ей чистый лист. – Пишите! Я, фамилия, имя, отчество... написали?... даю согласие на конфиденциальное сотрудничество... кон-фи-ден-ци-аль-ное... на добровольных началах. Обязуюсь предоставлять... Вытрите слёзы, а то капают, и буквы расплываются! Обязуюсь предоставлять интересующую информацию...

С Натальей Робертовной получился разговор короче. Зная, что у неё тоже есть сын, я сразу принялся диктовать.

Ставни и дверь появились на следующий день, а с гильотиной Николай Николаевич попросил чуток подождать.

Броня воодушевила меня дать бой уличным часовым. Я запасаю водкой и, упиваясь ею и злостью, сел ждать ночи.

Заслышав за дверью возню и характерное кряхтение, я взял телескопическую ПР-89, палку резиновую, изготовленную специально для транспортной милиции, чтобы орудовать ей в тесных поездах.

– Еле дотерпел, весь день хожу, как оловянный, – доносилось из гулкого коридора.

– Помолчи! Сбиваешь меня.

Дверь я распахнул, толкнув её всем телом. Диверсантов оказалось двое. Один, сидевший у самого порога, от удара вылетел из штанов и растянулся по полу в одних ботинках. Второго дверь не задела. Он пребывал в пике биологического процесса и смотрел на моё чудесное появление с той тоской в глазах, с которой смотрят согбенные собаки. С ним я допустил скверную оплошность. Вместо того чтобы развеять его тоску взмахом дубинки, пнул вредителя по выпяченному заду. Творчество, которое утром я бы сгрёб с лица земли лопатой, брызнуло на стены и на мои штаны. Тоскливец же пустился вприсядку, приговаривая: «Чего это он?! Чего это?!»

Обида за штаны, правый ботинок и обгаженный в моём лице Закон переполнила меня. В каждый удар я вкладывал душу, бил с придыханием, метясь исключительно по ляжкам, тем самым отучая диверсантов от позы Роденовского «Мыслителя». Было грустно, что один из них оказался станционным электромонтёром, который накануне подписал расписку о сотрудничестве.

Против часовых на перроне следовало применить верный способ усмирения толпы. Предельно жестоко громить вожака и терпеть, пока тебя бьют остальные.

На перрон я выскочил бодрый, неожиданный. Потоптался, поморгал и бросил ПР на землю. Человек двадцать ерусалимцев гуляли врозь, будто поссорились, и не отличались друг от друга, как лесные тени. Вожакom их была луна.

Оставалось идти ва-банк. Схватить пистолет и стрелять в воздух. Почти что в Луну.

– Лечь на землю! – скомандовал им.

По перрону прокатился мягкий шум упавших тел и лязг оружия.

– Встать!

Озадаченные ерусалимцы снова поднялись на ноги.

– Лечь! Плохо. Очень медленно, бойцы. Встать!

Армейский ген, единственный ген, который приобретается, а не передаётся по наследству, управлял мной, отдавал электрическими импульсами гортань, диктовал слова.

– Упор лёжа принять! Отжимаемся. Рраз! Ддва! Ттри!..

Среди брошенных ножей, топоров и молотков я углядел обрез двустволки, поднял его и стал вдвойне эффектен.

– Двадцать два! Двадцать три! Закончили. Встать! Приседаем. Рраз! Ддва!..

Кто проходил через армейский кач, тот знает, что человека возможно довести до сумрака в глазах, до рвоты и поноса за несколько минут. За несколько минут. Мои бойцы обладали мягко-мебельными фигурами, а призывной возраст перешагнули ещё в XX веке. Поэтому кач на них подействовал как нельзя благотворно. «Пожалей! – надрывались они. – Прости!»

– Сорок три, сорок четыре... Закончили приседать. Вдоль предупредительной полосы в одну шеренгу становись! – показал я на край перрона. – Не толкаться! Отставить драки! Так, теперь сели, и по кругу гусиным шагом – марш!

На первом круге упали без памяти двое. Для того чтобы поднять дух остальных, я громыхнул из обреза.

Со стороны завода подоспели ещё шестеро лунатиков. Они встали кучкой, наблюдая за странным поведением своих земляков.

– Мужики, вы чего съели? – спросил бородач, державший на плече цельнометаллическую кувалду, вылитый Тор.

Мои бойцы покосились на него с ненавистью.

– Не ждём, граждане, не ждём! – обратился я к новеньким, наставляя на них пистолет и обрез. – Присоединяемся! Считаю до трёх. Рраз!..

Пятнадцать минут и никто уже не мог стоять на ногах. Последним упражнением стало передвижение по-пластунски. В свете фонарей асфальт заблестел от пота. Бойцы, словно гигантские улитки, оставляли после себя влажные полосы.

– Благодарю за службу! В следующий раз будем бегать с двенадцатиметровым рельсом в руках. Отбой!

Я повернулся идти в кабинет и вдруг почему-то сел на корточки и выронил оружие. Из носа хлынула, как из перевернутой бутылки, кровь. Надо мной стояли двое в форме, с бакенбардами и без.

Тот, что без, держал на вытянутой руке сотовый телефон и снимал видео. С бакенбардами бил меня моей же дубинкой.

– Прикольно, конечно, придумал, – приговаривал он. – Но надо скромнее быть.

Хлоп! – дубинка угодила по темечку, и я, неприятно опьянев, слёг на асфальт.

– Не-не! Ты не укладывайся. Пойдём к тебе в кабинет, будем снимать ахтунговое порно.

Я поднялся и волнообразно пошёл к вокзалу. Сзади меня шутили:

– Завтра станет самым популярным милиционером в интернете.

– Ага, я спецом запись не останавливаю, чтобы всё по-чесноку. Как начал и как кончил.

Хлоп! – для остротки зарядили дубинкой по спине. Ну и боль, спятить можно.

– погоди стонать. Сейчас мы тебя этой же палкой да посуху. Перед тем как войти в кабинет, они настучали мне по плечам, чтобы не мог сопротивляться. Руки мои повисли плетьюми, мышцы в них спутались.

Однако у меня хватило проворства дёрнуть засов и открыть дверь каморки, где находился умывальник и ждал своего выхода Буян.

Забыл сказать. Я на денёк позаимствовал из отчего дома Буяна, чёрного волкодава, глупого, как курица и свирепого, как смерч.

Без бакенбард успел выскочить, бросив свой всевидящий телефон, а с бакенбардами попал под натиск Буяна, и для него на какие-то мгновения наступил легендарный двухтысячный год. Я не позволил случиться худому, отогнал пса почти сразу.

– Успехов по службе, олень, – пожелал своему коллеге.

Он, сжавшись на полу, неуёмно визжал и сучил ногами.

В благодарность за доблесть Буян получил два свиных копыта. Потом ещё два, так как глотал их целиком, не разгрызая.

Пинками прогнав коллегу, я заперся, сел и подумал: «Остаётся отметить перед бандитами, но куда мне с ватными руками и сотрясённым мозгом?»

Взял телефон и набрал Николая Николаевича. Хотя часы показывали половину третьего ночи, ответивший мне голос был бодр.

– Не спите, Николай Николаич?

– Да нет! Решил, знаете, прогуляться. Кстати недалеко от вас, мне зайти?

– Нет, гуляйте. Я звоню только по поводу...

– Гильотины? Завтра... вернее, уже сегодня утром будет готова. В восемь часов привезу!

– Николай Николаич! Мне привозить не нужно. Будьте добры, доставьте её господину Зурбагану. Скажите, что от меня. Хорошо?

– Мм...

– Сделайте, как для друга.

На том конце вздохнули.

– Николай Николаевич?

– Что ж, если, как для друга... – вяло ответил он.

Боль задремала, обняла меня тяжёлыми лапами, убрав когти, чуткая к малейшему шороху. Нужно было идти умываться, будить её, зверюгу, и я, чтобы встать со стула, решил сосчитать до десяти.

... девять, десять! Нет. Лучше заново и до двадцати.

... восемнадцать, девятнадцать... в дверь бойко постучали.

– Кто там? – глухо спросил я, и боль выпустила когти.

– Вань! – позвала Ксюха, моё ерусалимское счастье.

Боль, не успев зацепиться, свалилась с меня, настолько резво я бросился загонять в каморку Буяна и открывать дверь.

Ксюха вошла строгая, глазки злые, губы трубочкой.

– Что ты тут без меня устраивал? Почему меня не позвал? Почему я ничего не знала? Кто тебя бил? Где они? Откуда псиной пахнет? – расстреляла она меня вопросами. – Целовать тебя не буду. Иди умойся, свин!

– Ты почему ночами ходишь? – ответил я контратакой. – Тебе уши надрать, пиздушка глупая?

Ксюха, будто я назвал её мадонной, гордо задрала подбородок и указала пальцем в сторону умывальника. Палец нереально сверкал фальшивым перстнем.

Минут десять я плескался в раковине и отпихивал от себя пса. Он поднимался на задние лапы, падал на меня, хохоча гулкой пастью, а мне не хватало сил побороть его. Итого: сдвинутая раковина, разбитое зеркало и колено в челюсть.

Вышел я мокрый до носков и застал Ксюху за её любимым делом. Она наводила порядок на моём столе, раскладывала по стопкам бумаги. Исписанные листы укладывала в одну стопку, начатые или с коротким текстом – в другую, а чистые Ксюха презирала и прятала их с глаз долой.

– Ксюха! – всерьёз рассердился я. – У меня здесь пять материалов! Ты опять их смешала!

– Чего ты кричишь-то? – надулась она. – Я наоборот помогаю. У тебя бардак везде. Пистолеты с ружьями валяются...

– Куда ты дела пистолет и обрез? – спохватился я.

– В холодильник убрала, – пожалала она плечами, удивляясь моей недогадливости. – Он всё равно зря занимает место. Один кефир внутри.

Зелёные глаза её косили, и вразнобой торчали уши, левое больше правого. На лбу, подбородке и щеках пестрели давнишние, подростковые шрамы. Нелепая и смешная, Ксюха, казалось, не имела права быть красивой, но как бы не так! Бог-геном специально напортил с ушами и глазами, чтобы они отводили внимание людей от её опасной красоты.

Золотая, будто освещённая изнутри, кожа. Острые, как сколы камня, линии носа и подбородка. Пикирующие брови. При виде Ксюхи одолевало зло, что она иная, отдельная. Становилось обидно за других женщин, за красоту земную вообще. Прекрасное меркло рядом с Ксюхой и в отдалении от неё.

Потому и покрывали её лицо шрамы. Девчонки и мальчишки били Ксюху, чтобы она не отвлекала их друг от друга, чужеродная бестия. Завидовали.

Я не исключение, тоже боролся с чёрным желанием ударить Ксюху, очеловечить её кровью и синяками. Язык мой не поворачивался говорить ей приятные слова, ела сердце гордость. Как молящийся Богу сознавал своё ничтожество, если произносил хвалюбу её красоте. Оставалось понарошку грубить ей, обзывать, и она, умница, понимала, что только так с ней и можно, нарочно задирали и провоцировали. В любви, в той, которая голышом и без стыда, я играл в насилие, брал Ксюху против её воли, и она от души подыгрывала. Насколько хорошо удавался из меня актёр, судить не возьмусь, потому что не всегда помнил, что играю, забывался.

– Знаешь, что я с собой взяла в дорогу? Глянь! – Ксюха победно подняла над головой длинное, как указка, шило.

– Удивляюсь, что ты не пришла с ним в заднице, – пробурчал я.

– Хха! – вскрикнула она и вонзила шило в стопку протоколов.

Провокация...

Зная, что Ксюха сильна и проворна, как Буян, я использовал запрещённый приём, туго намотал её пшеничные волосы себе на кулак. Она протяжно втянула в себя воздух: «Уфффф!» – и поддалась, легла грудью на стол. Я не отпустил, задрал ей голову, и она, трагическая актриса,

какая слезами на испорченную папку протоколов, поспешила сама засучить ситцевую юбку и приспустить трусики.

Нервная ночь напала на меня грешной силой. Ксюха стонала навзрыд. Она прильнула к столу щекой, яростно кусала губы и косилась своим огромным глазом, в котором сквозь слёзы горел восторг. Я любовался ею сверху, и сердце моё сердито барабанило, будто в дверь, торопило меня зайти за грань, нарушить правила игры.

Я вышел и вошёл ступенькой выше. Ксюха ахнула и покраснела, как от мороза. Мы замерли, оба в страхе перед новым пространством.

Она закрыла глаза и приподняла брови. С таким лицом дегустируют ценное вино или слушают живую скрипку.

– Мерзавец... – шепнула Ксюха.

Утром нас разбудил Николай Николаевич. Он передал от Зурбагана спасибо и бутылку португальского абсента.

8. Знакомство

В серой моей казённой биографии Ксюха отметилась цветными карандашами.

Как-то в окошке товарной конторы увидел новую работницу – её. Дочь Венеры Милоской и Чебурашки. Ошеломлённый, поспешил к себе.

Закрыв жалюзи (окна тогда ещё были целы), вымыл руки и торопливо успокоился.

В душе настал наплевательский покой, сердце почерствело, кровь остыла, и я пошёл знакомиться.

– Кх! Добрый день! – сказал я, покашливая в грешную руку. – Хожу, смотрю... кх!.. Недавно устроились?

Она подняла глаза, пронзив воздух длинными, как ёлочные иголки, ресницами.

– Я тоже смотрю, что кто-то ходит и замечать меня не хочет. Сразу видно, важный тип. Плевать, думаю, на него тыщу лет, на поросёнка.

Отпрянув от окошка, я выдал дурным басом:

– Дык, у меня дела! Я ведь... – и представился ей, назвав должность, звание и имя-фамилию.

– Дерьма-то, – нахально зевнула она. – Идите, не стойте. Работайте. Если что, меня Ксюха зовут.

Я вернулся в кабинет и залпом выпил литр воды. Отдышался и пошёл мыть руки.

Ночью снился воробей, у которого вместо крыльев были человеческие уши, и он шустро порхал ими.

Проснулся впопыхах. Сердце стучит, в трусах взведённый спусковой механизм. Воин!

Брился и чистил зубы, как в последний раз. Пришёл к ней с кровавой улыбкой и посечённым вдоль и поперёк лицом.

– Привет! – просунул в окошко шоколадку. – А что с ушами? Одно туда, другое сюда.

– Чтобы везде слышать, – прищурилась Ксюха, нацелив на меня игольчатые ресницы. – Я любопытная.

– Поэтому и шрамы?

– Я боевая, – она принялась грызть, не запивая, шоколадку. – Никого не боюсь.

– И меня?

Ксюха набила полный рот и, задрав подбородок, прочавкала:

– Фуеват будеф! Тебе у мейя еффё поуфица, мальфифка.

Ушёл от неё глупый, с пережёванной шоколадкой вместо мозгов.

Только помыл руки, только сел за стол воображать счастье, как дверь распахнулась, и шпингалет, на который она запиралась днём, упал посреди кабинета.

– Ха-ха! – возникла Ксюха. – Я не знала, что заперто! Чего делаешь?

Не успев застегнуться, я положил на колени журнал регистраций.

– Работаю, видишь!

– Ууу, бумажная душа. Обед же, – Ксюха плюхнулась на стул. – Корми меня.

Незаметным, как мог, движением, я застегнул под журналом молнию (гостя одной бровью проследила за моей рукой) и прошёл к холодильнику.

– Кефир есть, – надул я щёки.

– А чего фырчишь? Не нравится, что я пришла? Нужен мне твой кефир! – она поднялась и шагнула к двери.

– Стой! Сиди!

Оставив её в кабинете, я помчался в магазин. По дороге бубнил: «Видела. Видела же! Поняла... И зачем её одну в кабинете оставил? В сейфе ключи торчат, там ! "секретка". А если именно сейчас приедет проверка? Сидит такая сопля, немного не школьница».

В магазине растерялся, вспоминая, что едят люди. Купил, лишь бы купить: йогуртов, солёных огурцов, дыню и пиво.

Вернулся и впервые застал то, от чего мне предстояло впредь страдать каждый день. Ксюха убралась на столе.

– Где материал по украденным шпалам? Где по снятым противоугонам? – взбесился я, думая, что всё похерено. – Где свинченные накладки и разобранный стрелка?

Ксюха моргала, выставив вперёд одно ухо.

– Какие шпалы? – тихо произнесла она. – Какая стрелка? Да на тебе! – над моей головой пролетел тюбик с клеем ПВА.

Я схватил журнал, которым полчаса назад прикрывал лучшее мнение о Ксюхе, и ударил им сверху по её красивой голове. Получилось громко и оскорбительно.

– Думаешь, не кину? – спросила она, благодарно улыбаясь, и сжимая увесистый степлер.

– Девушка, успокойтесь. Вы находитесь в служебном помеще... – степлер врезался мне в грудь, и больно.

В следующую секунду я отбил журналом связку ключей, увернулся от железной зажималки «Zippo», но алюминиевая пепельница метко рассадила мне переносицу.

Вовремя пригнув голову, чтобы не встретиться с большекрылым сборником кодексов, я ринулся вперёд и повалил Ксюху на пол. Вопрос о том, что делать дальше, встал во всю величину, и тонкие штаны не могли его скрыть.

– Защекочу до смерти! – стал считать ей рёбра. – Ненавижу посикуху!

У меня до рези звенело в ушах от её визга. Она извивалась, пыталась плевать, но плевки вылетали пустые, одним воздухом.

– Всё! Пощади! Есть хочу! – кричала Ксюха.

Обедали молча. Глядели друг на друга исподлобья. Она съела йогурты и двухкилограммовую дыню, а я угрюмо выпил полтора литра пива.

– Огурец в жопе не жилец, – вздохнула она и подвинула к себе банку огурцов.

– Приходи ужинать, – предложил я, блуждая глазами по разгромленному кабинету.

– Хочу селёдки, копчёной курицы, салат из помидоров, – живо откликнулась Ксюха, – оливок, груш, птичьего молока...

Аппетит Ксюхи пугал. Насколько обильно я вливал в себя разные жидкости, настолько Ксюха была обжора. После еды живот её становился шариком, она смеялась и стремительно глупела. Сидит совершенно окосевшая в своей слабоумной эйфории, болтает ерунду, как пятилетняя, а через два часа начинают трястись руки – первый признак, что опять голодная.

Худышка, уши да кости, потому и было загадкой, куда у неё уходят калории. Как говорится, не в коня корм. Разве что много энергии забирал смех. Ксюха заливалась с тем вооду-

шевлением, с каким без умолку поют птицы. Отгадать загадку её зверского обжорства мне предстояло лишь зимой.

Ужин в день нашего знакомства не состоялся, хотя я из кожи лез, чтобы приготовить его. Не имея сноровки резать овощи, изрезал себе пальцы. Полагая, что селёдкой унизительно зовут любую тощую рыбу, купил копчёной мойвы. Зато угадал с курицей. Нашёл самую настоящую, бесспорную курицу, но сырую. Шутка ли, что я никчёмный кулинар, если даже не знаю, с какого бока разбить яйцо.

Приготовленный потом и кровью ужин сорвался в самом начале. Ксюха тянула к мойве голодную в мурашках руку, когда по рабочему телефону мне сообщили, что прибывает московский поезд, в шестом вагоне которого пьяный ерусалимец страшает пассажиров ножиком.

– Я с тобой! – вскочила Ксюха.

– Сиди и не смей носа показывать! – приказал ей.

– Интересно же! – она потрясла кулаками. – Пойду!

– Не дай бог, помешаешь, – вывернул ей ухо.

Признаюсь, скот я. Как опасная работа, готов был сожрать всех и вся, лишь бы никто не лез под руку.

После Ксюха рассказывала: «Ты, когда ждал на перроне поезд, был страшнее тучи. Глаза чёрные, без белка. Лицо худое, узкое. Уши заострились, и волосы на голове волнами, я сама видела. Ты был другой. Тогда я тебя и полюбила».

Тревожный поезд верещал тормозами, и через измазанные кровью окна люди смотрели круглыми глазами, будто аквариумные рыбы. Там, в глубине вагонов прятался хищник, и хуже всего было не знать его размеры и повадки.

По ходу торможения я шагал вровень с шестым вагоном, а Ксюха семенила поодаль. Лязгнула тамбурная дверь, за ней – вторая, третья, и пассажиры посыпались на перрон, не дожидаясь остановки. Паника. Сейчас переломают ноги, потопчут друг друга, а главное, что потеряется он.

– Здесь он! В поезде! В сторону пятого побежал! – крикнула мне проводница шестого вагона с красными, блестящими руками. – Тёмная одежда! Огромный, два метра!

Люди мешали мне. Я натёкался на них, они – на меня, пьяные от кислорода и безопасности.

– Где он? – спрашивал их, но они молчали и смотрели пластмассовыми глазами.

Сзади за плечо меня схватила сильная рука. Оглянулся – Ксюха.

– Диктуй свой номер! – она держала наготове телефон. – Побегу на ту сторону, вдруг он там выскочит.

Пассажиры бестолково запрудили перрон, а я метался среди них, тянул шею и подпрыгивал, как пёс в густых камышах. «Быдло! – думал. – Точно быдло, а не народ. Пятсот перепугались одного. Молодец ерусалимец! Найти б тебя ещё».

Зря я, конечно, ругался. Потом узнал, что смелые всё же нашлись.

Чинить безобразия он начал за полчаса до прибытия поезда в Новый Ерусалимск. Предложил соседям по купе померяться с ним силой. Взял пустую полторашку и порвал её пальцами, будто бумажную. Аплодисменты не последовали, и никто не стал кричать: «Дай, я! Дай, я!» Подавленный своим превосходством, одинокий и непонятый ерусалимец отправился вдоль вагонов выбивать кулаками окна. Изранился до костей, и от вида собственной крови потерял последний ум.

«Вот вы как!» – сказал он пассажирам, вынимая из кармана складной китайский нож. Дрянь, ширпотреб, если говорить о таком ноже, когда он лежит задёшево в привокзальном киоске, а не сжат в пьяной руке.

Тесно, полки, суета. Ерусалимец резал вскользь, но многих. Как поршень, пёр по вагонам, а впереди бежали проводницы, красочно рекламируя его.

Лезвие ножа рассыпалось, как вафля, о пузатый титан. Безоружного ерусалимца попытались скрутить двое, русский дембель и дагестанский рукопашник. Первый страдал мало, потеряв сознание от бодания с упомянутым титаном.

Рукопашник продержался против своей воли до конца схватки. Ерусалимец взял его сверху одной рукой за голову, и взял надёжно. Пальцами другой руки он, не суетясь, по одному, выдернул рукопашнику зубы. Оставил только коренные.

– Да! – ответил я на незнакомый номер. – Мне некогда!

– Это я! Ксюха! – ужалил меня тонкий голосок. – Он с другой стороны! Иду за ним.

– Не кричи. Тихо! Почему думаешь, что он?

– Огромный! – звенела она. – И в крови.

– Где? Куда идёт?

– В сторону минимаркета «Боярин». Я его заболтаю, чтобы не сбежал.

– Не смей! – завопил я. – Жди меня!

Где ещё этот «Боярин»?.. Первый раз слышу.

На ту сторону я пробежал под вагонами, скользнув по дну позвоночника и рёбрами. Огляделся – людей никого, и Ксюхи тоже. По правую руку возвышался завод, а по левую, вдалеке, метрах в трёхстах, ютились двухэтажки.

Набрал на телефоне её номер. Гудки... гудки... не отвечает. Побежал к домам, проклиная женский род.

Ворвался, чавкая по радищевским лужам, во дворы. Попались глухая бабка и остроухая дворняга. Ни та, ни та объяснить, где «Боярин», не смогли, а дворняга наговорила мне столько лишнего, что литературным языком не передашь.

Обежав несколько домов, я заметил на торце одного из них фонарь с поблекшим логотипом «Coca-Cola» и фанерную вывеску с тремя буквами «...рин». Начало слова облупилось, и я подумал: «Вряд ли, татарин».

Внутри минимаркета стояли две холодильные камеры, запах сырой рыбы и широкая женщина.

– Высокий и маленькая! – прокричал я женщине. – Видели их?

Она приподняла плечами щёки и ответила:

– Ушли.

Я выскочил из магазина и снова набрал номер Ксюхи. Гудки. Убрал телефон от уха и вслушался в улицу. За гаражами, в метрах тридцати от меня, слабо пел Бон Джови «Its My Life».

...Он держал её сверху за голову и нажимал, повелевая встать на колени. Ксюха вяло болтала в воздухе руками и медленно оседала на землю.

– Зубы вырву, – говорил он.

– Молодой человек! – позвал я. – Здравствуйте!

Ерусалимец отпустил Ксюху, и она, отпружинив, повалилась на спину. До чего же он был огромен! Как он убирался в поезде? Второй Николай Николаевич, ерусалимская порода, Голиаф. Впрочем, вру. Николая Николаевича я тогда ещё не знал и потому не мог с ним сравнивать.

– Подрасться хочешь? – спросил он, шагая ко мне с невыносимой добротой на лице.

– Зачем? Давай лучше познакомимся, – я протянул ему руку, рассчитывая на маленький шанс скрутить его захватом спереди, хотя вероятность успеха исчислялась цифрами, которыми оперирует наука, но не жизнь.

Он механически подал мне свою изрезанную с торчащими осколками стекла пятерню, а я цепко схватил её и заодно провёл расслабляющий удар ботинком по его сухой кости. Осталось надавить на локоть, вывернуть руку, и да здравствует победа!

Заминка вышла с расслабляющим ударом, от которого ерусалимец не расслабился. Потому мне и не удалось закончить захват. Я тщётно давил ему на локоть, и мы кружились в томительном вальсе, глядя друг другу в глаза. Я снизу – скорбно, а он сверху – вопросительно. Трогательные мгновения для двух смущённых мужчин.

Мне бы встретить смерть смиренно, как должно христианину, а я, суетный человек, ударил ерусалимца кулаком в челюсть. Повторю ли я когда-нибудь этот удар, не обещаю, но вещать о нём как о библейском чуде обязан взрослым и детям. Ерусалимец рухнул, не сгибая ног, словно из-под него выдернули половик.

Подошла Ксюха, пнула его по рёбрам, но он уже спал в сладком нокауте. Одно ухо Ксюхи горело, напоминая включённый поворотник.

– Подумай! Вошла за ним в «Боярин», – она обежала и пнула с другой стороны, – он увидел меня, взял за ухо и повёл сюда. Я от боли слова не могла сказать.

– Так тебе и надо, – прохрипел я. – За мини-маркет.

С той поры, что бы ни случилось, Ксюха следовала за мной или впереди меня, знаменуя в одном лице собаку-ищейку и ангела-хранителя. Слов не понимала, ни добрых, ни злых. Обижалась, если я гнал её, и плакала, но не отходила ни на шаг.

Она с головой и с ушами бросалась в приключения и люто ненавидела родной город. Будь в Ерусалимске террористическая организация, думал я, Ксюха числилась бы активисткой.

А на следующий день после гигантского ерусалимца она пришла ко мне задумчивая. Без слов навела на столе субъективный порядок, пороняв на пол карандаши и скрепки. Взяла степлер, повертела его, будто вспоминая, для чего он нужен, и, не припомнив даже того, что им можно больно кинуть, положила на место. Ухо её посинело, и она прятала его под волосами, но время от времени забывалась и заправляла волосы назад.

– Пообедаем? – спросил я. – Пойду, куплю что-нибудь.

– А? – Ксюха рассеянно похлопала глазами. – Не уходи. Запри дверь.

Она перешла из-за стола на топчан – смиренная, робкая, с виду студентка, и сейчас ей отвечать по билетам.

В первые минуты я действительно чувствовал себя экзаменатором. Целовал её, тискал, а она лишь закатывала глаза, будто забыла конспект.

Очнулась Ксюха, получив укус в плечо. Я сам не ожидал от себя. Взбесился на вопиющую красоту.

В глазах её мигнул разряд, как при неисправной электропроводке. Дыхание стало шипящим, лицо горячим, и вскоре я целовал включённый утюг с функцией отпаривания.

Мы бились на топчане, забыв, кто мы, какие у нас дела и график работы. Обеденное время вышло на середине схватки, а мы хрипели и не сдавались друг другу. Передышку сделали, когда Ксюха сказала:

– Голова кружится и ноги трясутся.

Я закурил сигарету, и предметы стронулись со своих мест. Стул встал на две ножки и пошёл, как на цыпочках. Наклонился двусторчатый сейф-великан. Один из его отсеков был навечно заперт, а ключ по описи я не получал. Окно скользнуло по стене вверх и обратно. Жалюзи его были плотно закрыты, но одна панель перекрутилась, и в просвете торчало внимательное лицо Татьяны Леонидовны.

– Сука! – бросился я к окну и поправил подлую панель.

– Ты чего? – спросила Ксюха.

Она лежала на топчане кверху задом, раздвинув ноги и прохладя себя.

– Осу убил, – свято соврал я.

С этого дня Татьяна Леонидовна взялась отмечать по минутам рабочее время Ксюхи и организовала за нами обоими бесстыжий дозор.

Ксюха ступала ко мне за порог, а за окном уже маетно ходила взад-вперёд бдительная тень. Мы садились за стол, и прибегала Наталья Робертовна сообщить о несчастье, которое случилось ещё утром или вчера, а обнаружено только что. Иногда врывалась и сама Татьяна Леонидовна.

– У меня мысль! – сходу овладевала она нашим вниманием, скользя по нам масляными глазами. – Что будет, если намазать рельсы солидолом? Вдруг кто-нибудь, кроме меня, догадается об этом? Поезда не смогут тормозить! Предлагаю сейчас же провести совместный обход путей.

Однажды, когда она вбежала вперёд своих мыслей и встала посреди кабинета, выдумывая повод для визита, моё сердце подпрыгнуло до горла и заколотилось под самым языком. Слова полетели вперемешку со слюной. Я орал, взмахивал руками и для чего-то притопывал ногой. Со стороны, наверное, казалось, что пьяный тамада сыплет матерными частушками, приглашая женщину поддержать веселье. Татьяна Леонидовна выбежала, сдвинув по пути сейф, и после обеда у Ксюхи пропала отчётная документация.

Две недели ушло на её восстановление. Мы виделись по несколько минут в день, быстро-быстро ругались и, не тратя времени на драки, шли к столу, но не садились. Ксюха наспех ела, а я напирал на неё сзади, торопил. Один раз пытались совместить, но Ксюха подавилась.

Убегая затем к себе, она косолапила и ворчала, что ей мокро.

Через две недели, когда Ксюха восстановила «пропавшие грамоты», мы смогли вволю ругаться, есть сидя, а влюбляться лёжа.

Иногда, шутки ради, мы кружили, опустив головы, по станционным закоулкам. Обходили депо, на крыше которого росла берёзовая роща, плутали между складами, хранившими прошлогодние сквозняки, и всюду замечали за собой слежку.

Скрытое наблюдение вели Татьяна Леонидовна и Наталья Робертовна. Первая одевалась в тёмное, передвигалась вдоль стен и в тени деревьев. Рассекретить её, поймать за руку у нас не получалось. То ли солидная женщина успевала вовремя скрыться под вагонами, то ли у неё хватало здоровья убежать.

Наталья Робертовна преследовала нас верхом на велосипеде. Мы замирали в приятном испуге, когда за нашими спинами вылетала из чипыжей суровая, как Чапаев, наездница в оранжевой жилетке. Никакой конспирации. Всё серьёзно. Благодаря многолетнему маневрированию между постами Наталья Робертовна привыкла гонять со скоростью локомотива и только прямо. На наших глазах она взрывала головой гранитную насыпь, билась о перрон, и ничего.

Мы смеялись над железнодорожными женщинами. Считали, что они скучают в жизни и завидуют нам. Смеялись, пока не стало угнетать.

А там одно к одному: мой интерес к заводу и «башмак» в руке Натальи Робертовны, ночные моционы ерусалимцев и битые окна, срач под дверью и Хренов. Наконец, моя войнушка, буйан, гильотина, абсент... За какие-то пару летних месяцев.

Впереди ждала ерусалимская осень. Она сморкалась в дряблую руку и этой же рукой манила: «Иди ко мне, смелый незнайка. Я тебя научу, откуда у твоей Ксюхи уши растут».

9. Вентиляторы

Вербовка потрясла железнодорожных женщин. Полсентября я не знал с ними хлопот, не видел их и не слышал. Лишь поутру они являлись ко мне с агентурными донесениями, а затем до вечера хоронились и от меня, и от моей Ксюхи.

В свой срок настало бабье лето, и солнце исправно включило резервное питание. Ерусалимск наполнился обманчивым теплом, а поезда – простудами. Я же завёл себе масляный обогреватель, привёз из дома хлопчатую пижаму и шерстяной халат.

И сижу я утром в халате, просыпаюсь, наместник добра на ерусалимской земле. В дверь медленно стучат. Подхожу, берусь за ручку и чую носом, кто за дверью. Из замочной скважины резко сквозит корвалолом.

Стоит Татьяна Леонидовна. Открывает-закрывает глаза и плавно покачивается, точно парит над землёй.

– Опять целый пузырьёк выпили? – говорю я, сердитый, в халате. – Вы так сердце посадите.

Слушая меня, она держит глаза открытыми, а потом закрывает. Молчит.

– Ну! Говорите! – повышаю голос, чтобы она не заснула.

Татьяна Леонидовна сводит брови. Что-то понимает.

– Есть информация?

Закрывает глаза.

– Татьяна Леонидовна! – хлопаю перед её лицом в ладоши.

– Здравствуйте, – запашисто шепчет она.

С грохотом захлопываю дверь, но знаю, что агент не уйдёт и через минут пять постучит снова.

С улицы доносится шипение шин об асфальт.

Наталя Робертовна, второй секретный агент, бьёт по двери кулаками. Дверь гудит. Открываю.

– Чего я знаю! – протискивается она в кабинет, стараясь говорить в себя.

– Тише, – ругаюсь. – Одна лекарства пьёт, другая – вино.

Наталя Робертовна задерживает дыхание. На шее у неё выступают жилы.

– Да ладно уж, – отмахиваюсь рукой.

– Чего я знаю! – выдыхает она, и едкий выхлоп сбивает мне чёлку. – Сегодня ночью три угона, четыре квартирных кражи и пять грабежей! О!

Она хохочет и перечисляет адреса жертв и фамилии злодеев. Называет места, где спрятано краденое. Адский талант. Дать ей задание собрать компромат на родных отца и мать, онасию минуту взлетит на седло велосипеда и помчится исполнять.

– Мне не нужна информация по городу, – перебиваю её. – Только по жэдэ.

– Сейчас будет и по жэдэ! – Наталя Робертовна выпячивает грудь и звонко, будто поздравляет меня с днём рождения, провозглашает: – Вам конец!

Я как раз пил воду, и она хлынула у меня через нос.

– Слушайте дальше, – продолжила Наталя Робертовна. – Новый электромонтёр срезал сегодня на складе замок и унёс два немецких рельсоре́за. На триста сороковом километре двое сняли...

– Не частите! – попросил я, отряхивая грудь. – Кому конец-то?

– Вам. Подробности я оставила напоследок. На триста сороковом...

– Плевать на триста сороковой! Чай, кофе? Абсент?

Наталя Робертовна зарумянилась.

– Что там у вас последнее? – проговорила она. – Крепкое?

Я подло налил в глубокие рюмки.

– Наши переговоры насчёт вас... – Наталя Робертовна по-мужски махнула семьдесят пять градусов, и утёрла кулаком губы.

– Кто наши?

– Да все, – она приподняла одно плечо. – Милиция, бандиты, бизнесмены... все!

– И?

– Решили сжить вас со свету, что же ещё? – Наталя Робертовна подалась ко мне румяным лицом. – Жалко вас. Молодой ведь. Я даже влюбилась в вас. Так и знайте.

– Ну-ну-ну! – я поспешил налить по второй. – Скажите лучше, чего мне ждать.
– Убить вас не убьют, – Наталья Робертовна стукнула ребром ладони по столу. – Не хотят поднимать шум из-за иностранного. Но, клянусь, посадят. Помяните моё слово.
– Как у вас получилось добыть такую информацию?
– Уметь надо, – подмигнула она.
– Согласен. Лишнее спрашиваю. Что-нибудь ещё скажете?
– Сейчас вас прослушивают. Кабинет, телефоны, рабочий и сотовый...
– Тише! – приказал я, поверив ей на слово.
– Ждите, они будут пытаться убрать вас руками ваших начальников, – шепнула она.
– Как именно?
– Спросите тоже! Это ваша кухня, вам лучше знать.
– Да, верно, ... – я поднял свою рюмку. – Вам цены нет. Ваше здоровье!
Выпили. Тяжело замолчали.
Я теребил полу глупого халата и отчаянно вспоминал какой-нибудь анекдот. Голова опустилась до звона в ушах.
– Раз мы подружались, так и быть, спрошу, – придумал я, как отвлечься. – Что же всё-таки происходит на заводе? За что вы все на него ополчились?
Наталья Робертовна рванула из-за стола к выходу, бросив на ходу:
– Надо сказать, чтоб тебя, говно, убили.
Она от души хлопнула дверью, а я остался сидеть ошарашенный, в халате, один. Где Ксюха? То здесь она, то чёрт знает где!
Первым пострадал стол. Сложился в стопку, как туристический.
Серьёзные переломы получили стулья.
Упал, пошатнув вокзал, холодильник «Полюс». Яростно взвизгивая, я попрыгал на нём и промял ему бока.
Остался сейф и портрет Феликса Дзержинского. Первый из них видел, что произошло с «Полюсом», но весил триста килограммов и вёл себя спокойно, а Феликс благоразумно отвёл глаза, будто думает.
Стены – кирпичные. Зато умывальник сложен из ДВП.
Взялся бить кулаками. Рассадил.
Дался головой. Больно.
Разбежался и налетел всем весом. По полу покатались патроны. Много, сотни. Пистолетные и автоматные. Поломав стенку умывальника, я нарушил тайник, который находился в полости между дэвэпэшными листами.
– Что ни делается, всё к лучшему, – сказал я себе, утирая окровавленной рукой окровавленный лоб.
Если верить Наталье Робертовне, то сегодня-завтра мне следовало ждать проверяющих, вплоть до отдела собственной безопасности, а эти найдут травинку в стоге иголок, не то чтобы боеприпасы в стенной нише.
Среди золотого сияния патронов чернел большой, с мизинец, ключ. Уверенный, что он от сейфа, а в сейфе пистолет и укороченный вариант Калашникова, я сначала сгрёб патроны. Набралось полкоробки из-под электрочайника, и пришлось проклеить её скотчем, чтобы не вывалилось дно. Затем уже проверил ключ.
Три скрипучих, ржавых оборота, и наготове дорожная сумка, чтобы сразу забросить в неё оружие. Дверь гулко рыгает на меня затхлым духом позапрошлых лет, но не оружие там, а два вентилятора. Под каждым из них подложены худосочные брошюры, «Свет-1» и «Ночь-1».
Я взял тот вентилятор, который «Свет», и впервые за утро улыбнулся. Вещь мне понравилась. Возможно, в моих руках оказался дебютный образец советской роскоши: гиревой

вес, воронённый металлический корпус, чугунная подставка, стальные хромированные лопасти. Грозный дизайн для грозных времён и людей.

Сзади на подставке имелась жестяная бирка, и на ней значился номер ГОСТа, год выпуска – 1955, а также город-изготовитель. Новый Ерусалимск.

После битвы с мебелью пот лился по мне, как дождевая вода, и я решительно водрузил вентилятор на подоконник, включил его, а сам за неимением стульев сел на пол и закурил.

Кабинет задрожал от самолётного гула. В воздух поднялись бланки протоколов, сотворив переполох, как будто в голубятню пробралась кошка. «Свет» резво поехал по подоконнику и остановился лишь, когда упёрся в оконную раму. Будь у него крылья, он взлетел бы и устроил на вокзале авиакатастрофу.

Я запрокинул голову, прикрыл глаза и в голове мгновенно включился яркий полусон.

Передо мной встали двое детей одной алкоголички, которая недавно подозревалась в мелкой кражонке. Я тогда полтора часа плутал по ерусалимскому посёлку Мартовка, искал её дом, и не единожды проходил мимо него, считая нежилым. Спросил, наконец, у местных.

– Вон тот, без окон, – показали они.

Вошёл, не постучав, потому что вместо двери висела опалённая по краям занавеска. Разгребая ногами тройной слой пустых бутылок, обследовал дом и никого не встретил. Наврали местные, чтобы загнать меня на свалку. Посмеялись.

Так бы и ушёл, если бы не наступил на бутылочное донышко и не проколол сквозь подошву ногу. На мой жизнеутверждающий вопль нервно всхрипнула в углу комнаты куча тряпья.

– Здравствуйте, хозяйка! – покачал я раненой ногой кучу.

Храп сменился мерным, глубоким сопением, и мне не хватило мужской смелости представить себя принцем, а её – красавицей, чтобы лезть будить губами. Грубые способы, включая контакт здоровой ногой, не действовали.

Вышел я на крыльцо, жадно вдохнул от самого неба и краем глаза уловил движение. Кто-то маленький юркнул за дом.

Похромал я вслед, приготовив на случай собак обломок кирпича.

Возле поленницы, богато поросшей грибами, стояли бок о бок двое детей. Мальчик лет восьми и девочка, года на два младше.

– Привет, детвора! Играете? – расплылся я в улыбке, как квашня, и выбросил кирпич.

Они молчали, рассматривая меня без детского страха в глазах. Мальчик держал в руке старый железный утюг, а девочка что-то прятала за спиной.

– Классная у тебя игрушка, – кивнул я на утюг. – Или ты им с хулиганами дерёшься?

Мальчик оскалился мне в ответ. Он не понимал меня.

– А ты что прячешь? – спросил я девочку, заглядывая ей за спину.

Она сжимала погрызенную лягушку, которая дёргала одной оставшейся лапой.

Вентилятор обдувал меня. Пот испарился, становилось зябко, но я терпел и выедал себя изнутри, вспоминая, что потом больше ни разу не ходил в тот дом и не носил детям еду, хотя собирался. Зато смотрел «Пираты Карибского моря – 2» и смеялся, когда Джек Воробей убегал от людоедов. Купил вэб-камеру и не доставал её из коробки, потому что она мне не нужна.

По вине «Пиратов» вслед за детьми на память пришёл другой Воробей, вокзальный бомж Женя Воробьёв. Он сел в тюрьму за хранение гранаты.

Это считается добрым делом, милосердием. Мол, бомжи мрут изо дня в день, а ты выставляешь их беспощадными врагами человечества, тем самым даруя приют и трезвую жизнь.

Воробей пропил ум и никак не мог запомнить, что говорить на суде. Я вылавливал его около вокзальных ларьков и учил:

– Нашёл гранату на земле. Взял её с целью однажды использовать в рыбной ловле.

Он дрожал от напряжения, остервенело чесался и пытался повторить:

– Шёл на рыбалку... шёл... шёл...

Глаза его выражали мольбу ко мне, чтобы я подсказал.

– ...Шёл... шёл... Забыл. Попроще бы!

Накануне суда Воробей пропал. Я ручался за него перед следствием, и потому под стражу он заключён не был. Глубоко сомневаясь, что у такого хватило ума и отваги сбежать, я навёл справки в больницах и морге, навестил пьяные притоны, пункты приёма посуды, рынки, подворотни, а нашёл у бывшей жены.

Он прощался с единственным на земле человеком, кто помнил его прошлое воплощение, когда он, Воробьёв Евгений Павлович, заведовал художественным отделом в местной газете, и вино требовалось ему для того, чтобы выводить из памяти чужие стихи, как рентгенлаборанты выводят радиацию.

К утру судного дня Воробей спятил: туго перетянул пальцы на левой руке проволокой и выждал, пока они отомрут.

Я услышал со стороны ларьков женский визг, побежал туда и застал Воробья, когда он сидел на лавочке торжественный, в чистой рубашке, и отламывал себе указательный палец.

– Это чтобы первый год прошёл счастливо, – пояснял Воробей собравшимся людям.

Я бросился к нему, но при виде меня он так дико взвизгнул, что я похолодел и замер.

– А это чтобы счастливо прожить второй год, – вывернул он средний палец.

Видимо, проволока была затянута плохо, и нервы отмерли не полностью. Вслед за хрустом глаза Воробья наострились, и он, оставив повисший средний палец, легко отломил безымянный.

Я обхватил его за плечи, стиснул что было силы, но он, завизжав, успел одним рывком выдернуть из сустава мизинец.

Однажды я навещал его в психушке и познакомился там с медиком Ольгой. Она крала психотропные препараты, а я стал покупать их, фиксируя наши встречи на скрытую видеокамеру.хлопотное занятие, некрасивое, как с её стороны, так и с моей.

Мы играли друг перед другом, изображали из себя тех, кем не были. Она заклеивала пачки таблеток в почтовые конверты и пискляво материлась, что, по её мнению, соответствовало повадкам наркодиллера, а я в ответ таскал на шее красный галстук, читал стихи, называл себя непонятым художником, и в итоге Ольга влюбилась. «Впервые в жизни люблю и счастлива!» – клялась она.

После задержания, узнав, кто я, Ольга умерла. У неё встало совершенно здоровое сердце.

Уфф! Обжёг пальцы! Сигарета дотлела, я забыл про неё. Было ощущение, что прошло несколько часов.

Выключил вентилятор и понял, что это он – из-за него я трясусь и хочу ломать себя, как Воробей. Бежать на перрон и слёзно молить людей, чтобы они не делали никому зла. Упасть хочу на колени и ползти сто километров к могиле Ольги. Забрать потом себе тех детей, кормить их и учить говорить.

Но сначала бросился к сейфу и схватил брошюру «Свет-1». Прочитал:

ИНСТРУКЦИЯ

по применению вентилятора

СВЕТ-1

Свойства

Возбуждение умственной и нервной деятельности, связанное с самооценкой личности.

Усиление таких моральных качеств, как чувство долга перед обществом, честность, уважение к людям, раскаяния в отрицательных поступках и др.

Дозировка

Первый месяц 2 – 3 сеанса в день по 5 – 10 секунд.

Далее повышать дозировку на 3 – 5 секунд в неделю.

(Максимальная доза с учётом постепенного повышения не ограничена.

Побочные действия

При передозировке возможна тяга к самобичеваниям и самоубийству

При обычном применении вероятно расстройство сна, сердцебиение, нервное переутомление, галлюцинации.

В случае наступления побочных действий немедленно принять любое успокаивающее средство либо алкоголь. Обратиться к специалисту

Противопоказания

Активное нежелание пациента.

Необратимые нарушения мозговой деятельности.

Врождённые и приобретённые психические расстройства.

Внимание!

Не применять без контроля специалиста!

– Мне долго стучаться?! Ты откроешь? – послышался Ксюхин голос из-за двери.

Я пихнул вентилятор обратно в сейф, запер дверцу и убрал ключ в карман штанов. Едва Ксюха переступила через порог, я упал перед ней на колени и обнял её за ноги.

– Не ходи ко мне! Прокляни меня и не ходи! – проговорил я.

– Что, били?! – вскрикнула она. – Кто? Почему погром?

– Слушай, – поднялся я. – Сейчас ты забудешь, что знала меня, такую сволочь. На полгода или год. Пока я не закончу здесь, пока не уеду. Потом дам тебе знать, заберу тебя отсюда, но сначала спрячусь, чтобы ерусалимцы забыли меня. Поняла?

– Нет, – усмехнулась Ксюха.

– Не важно. Прощаемся! – я толкнул её к выходу. – Опасно!

– Что у тебя с глазами? – спросила она, сопротивляясь уходить. – Мне видно, как лопаются капилляры. Ты сейчас кровью заплачешь.

Я отвернулся от неё и упёрся лбом в стену.

– В монастырь надо, – шепнул. – Или умереть, но чтобы с пользой. Прихватить с собой десяток подонков. Чтобы в мире стало лучше. Да! – стукнулся я головой.

– Вань! – позвала Ксюха. – На!

Она протягивала стакан и недопитую бутылку абсента.

Я вылил всё. Получилось до краёв.

– Неужели разом выпьешь? – спросила она.

Я зажмурился и поднёс стакан к губам. В нос ударил ядовитый травный запах. Ведь не выпью!

Открыл глаза – спит утро. Лежу раздетый на топчане, покрыт простынёй. В кабинете порядок. Мебель целая, а на столе записка: «Ну, ты спать! В обед зайду».

Встал, прошёлся. В одном стуле насчитал четырнадцать гвоздей. Стол был усыпан шляпками, как стразами.

Главное же, что не хотелось быть ни монахом, ни шахидом. Хотелось жить и в туалет.

Кофе заваривал уже второпях. Не терпелось испытать «Ночь».

ИНСТРУКЦИЯ

по применению вентилятора
НОЧЬ-1

Свойства

Возбуждение умственной и нервной деятельности, связанное с критическим отношением к окружающей действительности.

Повышение уровня самооценки.

Усиление таких моральных качеств, как чувство собственного достоинства, гордость, агрессия, ощущение превосходства себя над остальными членами общества.

Дозировка

Применять разово, от 0, 5 до 1 минуты

Побочные действия

При передозировке возможна неконтролируемая агрессия, тяга к самоубийству.

При обычном применении возможно расстройство сна, головокружение, галлюцинации.

В случае наступления побочных действий немедленно принять любое успокаивающее средство либо алкоголь. Обратиться к специалисту.

Противопоказания

Активное нежелание пациента.

Необратимые нарушения мозговой деятельности.

Врождённые и приобретённые психические расстройства.

Внимание!

Не применять без контроля специалиста!

Вентилятор стоял передо мной, и я боялся включать его. «Воткну и тут же выдерну, – думал. – Он даже не успеет набрать скорость. Надо спешить, чтобы эффект прошёл до обеда. Стоп! Водки нет».

Бегом, туда – обратно, я сгонял в магазин, и поставил рядом с вентилятором бутылку и стакан. Чтобы было наготове.

– С богом, что ли... – пробормотал я и воткнул вилку в розетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.